

Г. М. Прохоров

ПОВЕСТЬ ОБ УСТЬШЕХОНСКОМ
ТРОИЦКОМ МОНАСТЫРЕ
И РАССКАЗЫ О ГОРОДЕ БЕЛОЗЕРСКЕ

Троицкий Устьшехонский — один из самых невезучих среди многострадальных русских северных монастырей. Основанный у южного берега мелкого агрессивного Белого озера (примерно там, где Ян Вышатич в 1071 г. покончил с убивавшими лучших женщин ярославскими волхвами), он неоднократно перед водой отступал, и в конце концов был совершенно водой затоплен, когда в XX в. перегородили плотинами текущую в Волгу реку Шексну. «Устьшехонский» означает «находящийся в устье Шексны». Точнее сказать: находившийся при ее истоке.

Судьба монастыря отчасти схожа с судьбой города Белозерска, его старшего соседа, одного из древнейших на Руси городов. Оба были переносимы с места на место, оба подверглись в Смутное время разгрому. Но городу пока удается существовать.

Внимание читателя предлагаются здесь повествования об этом монастыре и об этом городе, извлекаемые из рукописных книг XVII—XVIII вв., — свидетельства тогдашней литературной жизни этих мест и некоторые дополняющие их документы.

1. ПОВЕСТЬ О МОНАСТЫРЕ (ТЕКСТ)

Повесть «О зачале и создании Троицкого монастыря, что на Усть Шексны—реки. . .», сохранилась — вернее, известна мне — в трех полных и одном неполном списках. В одном из полных списков она имеет — по сравнению с другими — несколько отредактированный вид. В более близком к первоначальному облику Повесть содержится в следующих рукописях:

1) ГПБ, Q.XVII.80, Сборная рукопись, л. 17—29, об., 70—80-е гг. XVII в. Филигрань этих листов указывает на 1642, 1671 и 1686 гг. (по альбому Т. В. Диановой и Л. М. Костюхиной «Водяные знаки рукописей России XVII в.» (М., 1980), «герб» типа № 925—927). На л. 16 находится запись с датой: «193 л (*ета*) написал список с старого лѣтописца и послал в Савин Сторожевский монастырь». Дата «(7)193 лето», вполне согласуясь с датировкой по водяному знаку, несколько ее уточняет: 1685 г.. Описание рукописи см.: *Строев П.* Второе прибавление к описанию

славяно-русских рукописей <...> графа Ф. А. Толстого. М. 1827. С. 30—32: «№ 445. Рукопись, сплетенная из разных отдельных тетрадей и листов, писанных скорописью в XVII и начале XVIII века на 72 листах». Условно обозначаем этот список — А.

2) ГПБ, собр. Погодина, № 1579, Сборная рукопись, л. 43, об.—49, об., 70—80-е гг. XVII в. Названные листы представляют собой отдельную составную часть книги; их водяной знак — шут типа № 469, 1676 г., по альбому Н. П. Лихачева, а по альбому Е. Неаууд («Watermarks. . .») — № 1978, 1689 г. Условно обозначаем рукопись — Б.

3) ГПБ, собр. Титова, № 1296, Сборная рукопись, л. 39—40, об., XVIII в. С л. 37 начинается новый почерк и идет до конца книги. Среди филиграней этой части сборника (буквы П и Х) встречается дата «1779». Описание этой рукописи, главным образом ее содержания, см.: *Титов А. А.* Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании <...> А. А. Титова. М. 1906. Т. 5: История церкви. № 1625 (1296). С. 370—373. Этот список неполный, содержит только начало Повести, где говорится о князьях. Условно обозначаем его — В.

Отредактированный вид Повесть имеет в рукописном Сборнике, хранящемся в библиотеке Новгородского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника под номером 10934, л. 126—132, об. Рукопись происходит из Кириллова Новоезерского монастыря. Основная часть книги и Повести в ней написана одной рукой, как ясно из приписок на листах 81 и 197, в 1697 г. в Вологде певчим архиепископа Вологодского и Белозерского Гавриила Дмитрием Ивановым сыном Рабанским. В XVIII в. кто-то Повесть продолжил заметками о событиях в монастыре в период с 1655 по 1721 г. (л. 131, об.—132, об.). В Новгородский музей книга попала в составе рукописей Кириллова Новоезерского монастыря. Описание ее содержания см.: *Бегунов Ю. К.* Кирилло-Новоезерский список поэтического произведения Дмитрия Кантакузина // *Старобългаристика*. XI (1987), 2. С. 61—64. Обозначаем этот список буквой Н.

Текст Повести печатаем по А с разночтениями по Б, В и Н. По окончании А публикуем дополнения, сделанные к Повести в XVIII в. в списке Н.

Сохраняем при публикации текстов «ѣ», а также «ъ» и «ь» в конце слов; в остальном орфографию приближаем к современной.

По прочтении Повести поразмышляем о том, что она собой представляет и что в ней написано.

1. ¹ О зачалѣ и о создании Троицкого монастыря, что на Усть Шексны реки, иже первие стояше в плеществѣ водномъ и в говоромѣли шума воды рекомаго Бела озера за градом Белозером от западныхъ страны, и в кои лѣта и кимъ составися святая обитель сия

Первие еже о семъ: О нашествии Батыя царя на нашу Рускую землю. ²

В лѣта³ 6745 (1237), Господу Богу нашему праведным своим⁴ гнѣвом наказующу насъ за умножение грѣховъ наших — овогда гладом, овогда пожаромъ, иногда же нашествием иноплеменныхъ, — якоже сего⁵ попустил на Рускую⁶ землю безбожнаго царя и лукавнѣйша паче всея земли, иже отнюдъ Бога не вѣдуща, паче же Богом незнаема, бесерменские вѣры, злаго и безчеловѣчнаго⁷ Батыя⁸ глаголема, иже проиде⁹ многия¹⁰ грады, пожигая и яко серпом пожиная челоувѣчество, яко огонь попаляя дубравы, ¹¹неповинныя люди, ¹²владѣющихъ и владомыя, овыхъ убивая, ¹³иных же в¹⁴ работу сущимъ с нимъ предавая. Тогда убо от благороднаго корени израстъшаго и во благочестии воспитаннаго самодержца всея Руския земли, благовѣрнаго великаго князя Георгия Всеволодича убил — неповиную кровь пролилъ на реце на Соте за Волгою. И иных многих побилъ благовѣрныхъ князей, а иных в плѣн сводил.¹⁵

Тогда же взялъ¹⁶ и сродника его,¹⁷ благовѣрнаго князя Василька Константиновича Ростовскаго. Он же, ставъ пред нимъ, нечестие его обличилъ и суетную ¹⁸и богомерзскую вѣру поплевалъ,¹⁹ и безчеловѣчна²⁰ и пса того именовалъ. И того ради ²¹от него²² мучениемъ конецъ приять и исповѣданьемъ вѣнцемъ от Христа вѣнчася.²³

Наслѣдницы же отечеству его быша сынове его. Первый сын его, князь Борис, восприялъ Ростовское княжение. Второй же сын его, князь Глѣбъ, началъ княжити на Белѣозере, и на Вологдѣ, ²⁴и на Устьюге Великомъ.²⁵

1, 1-2 О началѣ монастыря пресвятыя живоначальныя Троицы, иже в предѣлѣхъ града Бѣлаезера на устии Шексны рѣки: в кая лѣта и како составися сия святая обитель. Первѣ же сего о нашествии Батыя царя татарскаго на нашу Россійскую землю скажемъ Н. ³ Доб. от создания мира Н. ⁴ Доб. судом, паче же реши и гнѣвомъ Н. ⁵ Доб. окаяннаго и нечестиваго Н. ⁶ Россійскую Н. ⁷ Доб. царя Н. ⁸ Доб. тако Н. ⁹ протече Н. ¹⁰ Доб. страны и Н. ¹¹⁻¹² Нет Н. ¹³ мечю и убийству неправедному Н. ¹⁴ плѣнъ и в Н. ¹⁵ своимъ Б, заведе. Георгий же Всеволодовичъ княжилъ во градѣ Владимире двадесять пять лѣтъ Н. ¹⁶ Доб. царь Батый Н. ¹⁷ сего Георгия Всеволодовича, анепсея, си есть племянника Н. ¹⁸⁻¹⁹ Нет Б. ²⁰ Нет Н. ²¹⁻²² Нет Б. ²³ Доб. Страдание его напечатано в Прологе въ 4 день В. ²⁴⁻²⁵ Нет Б.

Непомнозѣ же времени на Белѣозерѣ благовѣрному князю Глѣбу родился сынъ, князь Михаилъ. По трех же лѣтахъ рожденья его прииде ему лютая болѣзнь, и изнеможе до конца очима, и ничтоже не видѣ. И пребысть, лишаяся свѣта, дванадесять лѣтъ и три месяца.²⁸

О чудотворной иконѣ²⁹ живоначальные Троицы

Стояше же за градомъ Белоозеромъ³⁰ церковь живоначальные³¹ Троицы, а в ней — чудотворный образ ея, на мѣсте, ³²на-рицаеме Плещество Водное, сирѣчь на³³ Переливнѣ, от западныхъ страны³⁴ Белаозера. Ныне же именуется мѣсто то ³⁵Верхняя Треста.³⁶ И в та времена начаша быти от святыхъ иконы тоя знаменія и чудеса. Князь же Глѣбъ, слыша таковая,³⁷ подвижеся с великою вѣрою, прииде к³⁸ церкви святыхъ³⁹ Троицы, паче же к чудотворному ея образу. Поятъ же с собою и сына своего, князя Михаила, болѣзнующа и изнемогающа очима, и нача молебная совершати. И милостию живоначальные Троицы и молитвами пресвятые Богородицы, кроплениемъ священные воды отверзлись⁴⁰ ему очи, и исцеление получилъ на самый праздникъ Благовѣщенія пречистыхъ Богородицы. Князь же Глѣбъ благодарственную славу воздавая благодателю Богу о такомъ преславномъ чудеси.

41 О началѣ монастыря⁴²

И пришедъ в домъ свой, ⁴³благовѣрный князь Глѣбъ⁴⁴ помысли в себѣ⁴⁵ сотворити совѣтъ благъ з боголюбивымъ епископомъ Лукою Ростовскимъ, еже и бысть, тогда бо бывшу ему, епископу, в нѣкоемъ островѣ Белоозерскихъ предѣлъъ крыющуся. И постави на томъ прежереченномъ мѣсте церковь древяну в высоту зѣло велику и чудну во имя святые живоначальные Троицы, в лѣто⁴⁶ 6759 (1251), и чудотворную икону ту украсивъ всякою подобающею утварию, и создалъ монастырь, и в немъ общее житие соста-

²⁶⁻²⁷ Нет Н. ²⁸ В В далее — сокращенный рассказ о князьях: и получи здравие очима от образа святыхъ и живоначальныхъ Троицы на праздникъ Благовѣщенія пресвятыхъ Богородицы. Благоверный же князь Глѣбъ и прочая поживе вся дни живота своего во благочестии и чистоте и правдѣ, и пресѣтиса к вечнымъ обителемъ, и положенъ бысть на Белѣозере в соборной церкви. Наследникъ же бысть отца своего имѣнию сынъ его, князь Михаилъ. И потомъ родися благовѣрному князю Михаилу сынъ его, благовѣрный князь Феодоръ. Просветилъ же его святымъ крещениемъ троичной игумень Геннадий. На этомъ ограничивается близость к Повести списка В. Далее в немъ слѣдуетъ рассказъ «О пресслении града Белаозера от Усть Шексны Реки в Карголомъ, идеже нынѣ стоитъ». ²⁹ Доб. пресвятыхъ Н. ³⁰ Доб. вскрай езера на Переливнѣ Н. ³¹ во имя пресвятыхъ Н. ³²⁻³³ нарицаемъ Н. ³⁴ Доб. града Н. ³⁵⁻³⁶ Верная Треста Б. ³⁷ Доб. чудеса Б. ³⁸ Доб. той Н. ³⁹ пресвятыхъ Н. ⁴⁰ отверзостася Н. ⁴¹⁻⁴² Нет Н. ⁴³⁻⁴⁴ Нет Н. ⁴⁵ Нет Б. ⁴⁶ Доб. от создания мира Н.

вилъ, и братьи собралъ числомъ двадесять и множае, из нихже быша и священноиноцы, и приносяще службу выну Богу. Князь же Глѣб самъ всѣми ими во всемъ промысляя, еще бо не бывшу тогда игумену у нихъ. Слышавъ жѣ о монастырѣ боголѣпнаго Преображения Спасова, иже на Валаамѣ островѣ в предѣлѣхъ Великаго Новаграда, и о жительствѣ ихъ, и о чину монастыря того, и о отцехъ, иже в немъ, подвизающихся добрыми подвиги, посылаетъ к нимъ довольну милостыню и молить тамо сущаго игумена, дабы далъ от паствы своея единаго инока,⁴⁷ могущаго пасти и наставляти Христово стадо словесных овецъ. Игумень же совѣтуетъ с сущими тамо отцы и, избравъ единаго инока,⁴⁸ мужа изящна житиемъ и благими дѣлы украшена, именемъ Генадия, достойна суща прошения князя, и послаша его к благовѣрному князю Глѣбу на Белоозеро. Князь же рад бысть такового мужа пришествию, и поставилъ его игуменомъ в новосозданномъ от него монастырѣ — инокомъ пастыря и учителя; и даде монастырю тому многа потребная, елика довлѣють на строение мѣста того. И оттолѣ благовѣрный князь Глѣбъ и сын его, князь Михайло, стяжаста велию вѣру к живоначальнѣй Троице.⁴⁹

Бѣ бо первый тотъ монастырь въ его отечествѣ. Еще бо тогда не былъ ни единъ монастырь на Белѣозере и на Вологдѣ. Последи же создалъ и другой монастырь. На Кубенскомъ озере, на островѣ, зовомомъ Каменномъ, в предѣлѣхъ града Вологды, во имя боголѣпнаго Преображения Спасова.⁵⁰ Сий же монастырь первый в вологодскихъ.⁵¹

И паки прииде ⁵²князь Глѣб ⁵³на Белоозеро, и прочая поживе вся дни живота своего во благочестии и чистотѣ и в правдѣ, и преставися к вѣчному обителемъ, и положенъ бысть⁵⁴ в соборной церкви⁵⁵ Великаго Василия Кесарийскаго ⁵⁶на посадѣ. А⁵⁷ ныне же мѣсто то пусто,⁵⁸ зовомо Селище Княжое.⁵⁹ Отстоит же от самого устья Шехонскаго: ⁶⁰вниз по рекѣ полтретья поприща до того Княжого Селища, а от Троицкого монастыря едино поприще.⁶¹

Наслѣдникъ же бысть отца своего имѣнию сынъ его, князь⁶² Михайло. И той такоже, имѣя велию вѣру⁶³ к живоначальной Троицѣ, и воздвиже теплый храмъ во имя ⁶⁴Благовѣщения пресвятыя Богородицы.⁶⁵ И потомъ родился благовѣрному князю Михаилу сын, князь Феодоръ. Просвѣтил же его святымъ крещениемъ Троицкой игумень Генадий. Той же игумень поживе богоугодно житие⁶⁶ и отиде въ вѣчный покой. В него же мѣсто поставленъ бысть игумень именемъ Васиянъ. И той⁶⁷ такоже⁶⁸ бла-

⁴⁷ монаха Н. ⁴⁸ монаха Н. ⁴⁹ Доб. въ монастырь Н. ⁵⁰ Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа Н. ⁵¹ Доб. монастырѣхъ Н. ⁵²⁻⁵³ Нет Н. ⁵⁴ Доб. на Белѣозере в посаде Б. на Бѣ(лѣ) озерѣ Н. ⁵⁵ Доб. святого и Н. ⁵⁶⁻⁵⁷ Нет Б. ⁵⁸ Нет Н. ⁵⁹ Доб. именуется Н. ⁶⁰⁻⁶¹ поприща два и полъ Н. ⁶² Нет Н. ⁶³ Доб. в монастырь Н. ⁶⁴⁻⁶⁵ пречистыя Владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии, честнаго и славнаго ея Благовѣщания, в монастыри пресвятыя Троицы Н. ⁶⁶ Нет Н. ⁶⁷ сей Н. ⁶⁸ Доб. бѣ Н.

гимн дѣлы украшен и добре пасяше Христово стадо словесных овец, во всем подобяся житием и нравы первоначальному игумену Генадию.⁶⁹

При семь же игумене Васияне бысть в монастырѣ инокъ именемъ Моисей. Сей убо пророческаго дара сподобися и пророчествуя о монастырѣ семь,⁷⁰ яко стояти имать, представляемъ,⁷¹ в четырехъ мѣстех: «Здѣ, — рече, — первое, на Переливнѣ; второе, — рече,⁷² — за градомъ на Новокрестневѣ; третье — в Лимонисе водномъ; а четвертое, — рече, — среди Посадские стороны на Васильевскомъ Крестъцѣ», —⁷³ гдѣ преже была соборная церковь Великаго Василия и гдѣ нынѣ почиваетъ благовѣрный князь Глѣбъ.⁷⁴ «И аще, — рече, — начнуть братия радѣти святому мѣсту сему и меж собою духовную любовь имѣти с вѣрою же и правдою и терпѣниемъ благодарнымъ, и со смиренномудриемъ жити, то монастырь сий ничемъ не оскудѣетъ, но и паче распространитца, но и благодати всякия исполненъ будетъ. Того⁷⁵ ради достоитъ чудотворному образу живоначалныя⁷⁶ Троицы непрестанно молитися и с вѣрою милости у⁷⁷ нея просити».

О Белѣ озерѣ

Бело озеро именуется, понеже естество имать воды в себѣ бѣло, а вода густа и клейна.

О Шексиѣ рекѣ

Шексна⁷⁸ именуется, понеже шествие косо имать. Приусугублено⁷⁹ имя ей и вкратце сложено под неслагательную титулу без прикрова.

Сие же оставим и на предлежащее паки возвратимся.

О том же монастырѣ⁸⁰

Стояше же монастырь той на том мѣсте Переливнѣ⁸¹ двѣсти лѣтъ — до преселения града Белоозера.⁸² По преселении же⁸³ того града на новое мѣсто — вверхъ по Белу езеру, от Шехонскаго устья десять поприщъ, начать тотъ монастырь подмывати водою.⁸⁴ И с того мѣста престаивша монастырь на прежнее⁸⁵ градское мѣсто емуже имя Новокрестное, а нынѣ зовомо Угольной⁸⁶ Мыс — на Усть-Шексны-реки.

⁶⁹ Нет Н. ⁷⁰ Доб. глаголя Н. ⁷¹ и преставлятися Н. ⁷² Нет Н. ⁷³⁻⁷⁴ Нет. Н. ⁷⁵ Сего Н. ⁷⁶ пресвятыя Н. ⁷⁷ от Н. ⁷⁸ Доб. река Б, же рѣка Н. ⁷⁹ приусучлено Б. ⁸⁰ В А заголовок стоит на поле несколько ниже, против начинающих строку слов начать тотъ монастырь. В Б и Н нет. ⁸¹⁻⁸² два ста осмь лѣтъ Н. ⁸³⁻⁸⁴ града Бѣлаезера начать мѣсто оно одолѣвати вода Н. ⁸⁵ Нет Н. ⁸⁶ Улолной Н.

И по нѣколицех лѣтѣхъ погорѣлъ монастырь той и со всѣмъ — церкви и кѣльи. И подщашася радѣниемъ, и поставиша все ново, якоже и прежде бѣ.

И ту стоялъ шездесять три лѣта. ⁸⁷И и томъ мѣсте начать одолѣвати вода и подмывати тотъ монастырь. ⁸⁸ И оттолѣ ⁸⁹пре-селѣшася и ⁹⁰ преставиша монастырь вниз ⁹¹ по Шекснѣ рекѣ яко ⁹²полтора поприща ⁹³ — на мѣсто, нарицаемо Лимоновское. ⁹⁴ А зовомо по каменю Лимонису. А тотъ камень — противъ Троиц-кого монастыря в рекѣ Шекснѣ. ⁹⁵

И ⁹⁶на томъ мѣсте ⁹⁷ поставиша церковь зѣло чюдну и високу, крестообразну же и пространну в широту; в высоту убо сажень тридцать семь. Теплый же храмъ поставиша от реки, верхъ имущи шатровъ, в высоту сажень ⁹⁸ девятнадцать. И ⁹⁹тутъ нынѣ ¹⁰⁰ стоитъ сто пять лѣтъ по нынешней 128 (1620)-й год.

Егда же состарѣся той теплый храмъ и обетца, и паки поста-виша инъ храмъ от лѣсу. А прежде сего храму храмъ ^{11, 1} Троицу поставили в лѣта 7030 (1522), а переставливали 92-го (1584) году.

Сей же монастырь под собою мѣсто имать обоюду непространно и тѣсноту имущи ² многу: от сѣвера Шексна рѣка близу сущи и водою ограде ³ касающися, от востоку ⁴ — рѣчка Волхонка у Ва-ягова ⁵ поля, а от солнечныя страны ⁶ — блато неизслѣдимое, и дѣбрь непроходна, и тимѣние ноготопно, ⁷ от Бѣлаозера же — рѣчка Каргола. ⁸ Под монастыремъ же — слободка Каргулино у рѣчки тоя. ⁹

Братия же в монастырѣ томъ и бѣльцы, сработающии ему, мнози ¹⁰ не такову жизнь имуть, ¹¹ якоже иныя в немъ — любовь имуть ¹² и незлобиемъ ходять, но мали суть таковии, живущии тако. Мнози же суть таковии, ¹³ иже ненависть имуще, и мало душу подѣмлюще, и роптание держаще, и расколы гоняще. Мали же суть, иже любовь имуще, и долготерпѣние подѣмлюще, и благо-дарение держаще, и согласие имуще. Сего ради, братие, какова хоцемъ к себѣ брата своего, таковы подщимся и сами ему быти. Каковъ хоцемъ покой тамо от Бога обрѣсти, таково и житие нач-немъ здѣ жити. Больши здѣ ¹⁴ труда — болѣ тамо и покоя. Здѣ потерпимъ, а тамо благоденствуемъ во царствѣи небеснѣмъ, егоже наслѣдити буди всѣмъ намъ.

Молитесь и о мнѣ окаяннѣмъ, да и аз не лишуся васъ, вѣчнаго покоя. ¹⁵

⁸⁷⁻⁸⁸ одолѣ же вода, и начать подмывати на самос устие Н. ⁸⁹⁻⁹⁰ Нет Н. ⁹¹ Нет Б. ⁹²⁻⁹³ поприще едино Н. ⁹⁴ Лилиновское Б. ⁹⁴⁻⁹⁵ Нет Н. ⁹⁶⁻⁹⁷ Нет Н. ⁹⁸ Нет Б. ⁹⁹⁻¹⁰⁰ ту Н. ^{11, 1} Доб. пресвятыя Н. ² имать Н. ³ о ограду монастыря Н. ⁴ востока же течетъ Н. ⁵ Бугагова Н. ⁶ Доб. еже есть югъ Н. ⁷ ибо топко Б. ⁸ Карголка Б. ⁸⁻⁹ Нет Н. ¹⁰⁻¹⁵ жизнь свою препровождаютъ в немъ, имуще незлобие и любовь, и долготерпение подѣмлюще, и согласие имуще, и благодарение держаще, ждуще общаго упования и покоя вѣчнаго тамо обрѣсти от Бога Н. ¹¹⁻¹² Нет Б. ¹³ Нет Б. ¹⁴ Нет Б.

При игумене Маркѣле, при строителе старце Иоасафе, по рекло¹⁶ Луженомъ, в лѣта ¹⁷ 7112 (1604) года поставиша церковь теплую от рѣки о пяти версѣхъ с каменодѣльнаго подобия, ¹⁸зѣло чюдну, и пространну, и високу.¹⁹ А придѣл в ней учинили²⁰ страстотерпца Христова²¹ Димитрия Селуньскаго. А совершили ея 115 (1607) году, а святили ея 117 (1609) году. А 121 (1613) году февраля въ 6 день, в noci грѣхъ ради нашихъ сия церковь погорѣла.²² И не успѣли²³ из нея ничтоже вынести зѣльнаго ради жара и преодолѣвшаго огня.

И церковное пѣние зимой совершали в столовой кѣльи, и трапезу братьям поставляли.²⁴ И того времени неуставнаго²⁵ бысть четыре лѣта.²⁶ Понеже ²⁷того лѣта приѣхал с Москвы июня въ 28 день нѣкто черноризецъ, золь человекъ, смутникъ и расколникъ, именем Иосифъ, иже поколебал святым тѣмъ²⁸ мѣстомъ и злѣ расточилъ пастыря же и стадо Христово — разврати и распуди. Тѣсноту же и скорби и истощания многая учинилъ, яко злый волкъ и хищникъ и разоритель.

Волкъ убо и гонитель наречеса на стадо Христово властолюбия и сребролюбия ради. Хищникъ же, понеже монастырская сокровища расхити и расточилъ. Понеже, грамоты ради, иже искупи мздою у дьяков на Москвѣ, наречеса строитель. Паче же мы речемъ разоритель — по его житию. Понеже благочиние разорилъ, а сокровища монастырская истощилъ, а братии всякую скорбь и тѣсноту нанес многу.

И в та времена о святомъ мѣсте никакоже порадѣя, ни же радѣющимъ воли даяше, но смутами и расколами прееѣкаше, и неразумными кознями ков²⁹ воздвизаше, яко плотяный бѣсѣ, и готовя³⁰ елика святому мѣсту на разорение и³¹ пагубу, а братии на щету и разгнание, себѣ же на собрание богатства и неправедную корысть.

Сему же лжеименитому строителю Иосифу живоначалная Троица судия и мститель.³² И его наставником ³³и совѣтником и единомысленникомъ³⁴ той же Господь Богъ судит в послѣдний день.

По изгнании же сего лжеименитого строителя Иосифа на том же мѣсте от реки совершили церковь теплую ниску о два верха, на каменодѣльное подобие, и освятили 125 (1617)-го года февраля въ 2 день.³⁵

В лѣта 7120 (1612) июля въ 30 день приидоша на Белоозеро Польша и украинныхъ градовъ люди не во мнозѣ силѣ, градъ весь

¹⁶ реклу Н. ¹⁷ Доб. от сотворения мира Н. ¹⁸⁻¹⁹ во имя Благовѣщенія пресвятыя Богородицы Н. ²⁰⁻²¹ во имя свягата великомученика Н. ²² згорѣ Н. ²³ успѣша Н. ²⁴ в ней Н. ²⁵ Нет Б. ²⁶ Здесь в Н начинается другой, более поздний почерк и более светлые чернила. ²⁷⁻³⁶ бо въ людяхъ моръ бысть и нашествие ляховъ на всю Россійскую землю и на вся предѣлы Северныя страны. И по семъ возградилъ монастырь во всемъ по-прежнему Н. ²⁸ Нет Б. ²⁹ всяко Б. ³⁰ Нет Б. ³¹ Доб. на Б. ³² мститель ны Б. ³³⁻³⁴ Нет Б. ³⁵ Здесь оканчивается список Б.

пожгоша, а людей множество посъкоша. Были же и в сиемъ монастырѣ у Троицы в Божихъ церквахъ, Божеству ругалися, и оклады с образовъ здирали, и образы на землю метали. Братия же и прочия люди монастырские Богомъ избыша от руку ихъ и здравие добрѣ получиша. Монастырь же весь пограбили и пакость многую учинили.³⁶

И въ лѣто 7163 (1655) году при игумене Даниилѣ, по реклу Лошадь, поставлена церковь живоначальныя Троицы крестообразная о пяти верхахъ, и съ западную страну — паперть забирная и сходы двокровныя, и теплая церковь великомученика Дмитрия Селунскаго, и преходы на трубахъ, на срединѣ ихъ — колоколня шатровая, да ограду около монастыря и двои врата — всё от дерева построено.

Въ лѣто 7209 (1701) году приписали сей монастырь къ Савину монастырю, Звенигородскаго. И от него бысть великое разорение монастырю и вотчине.

И въ лѣто 1719 году июня въ 18 день грѣхъ ради нашихъ погорель монастырь весь до основания. И тщаниемъ братии того монастыря и вкладчиковъ построено всё сполна.

Въ лѣто 1721 году приписали къ тому же Савину монастырю. И от нихъ въконецъ въ разорение прииде: братию монаховъ къ себѣ въ монастырь взяли, а иныхъ вонъ изъ монастыря выслали, и прислали слугу своего на властелинство монастырю и вотчиннымъ крестьяномъ. И онъ слуга все въ монастырѣ обралъ и увезъ.

2. ОСНОВА ПОВЕСТИ

Теперь, прочтя Повесть, подумаем о том, что она собой представляет и о чем в ней говорится.

Прежде всего, из слов «по пышешний 128-й (1620) год» ясно, что они написаны в 1620 г. И заметим, что ни одно из хронологических указаний Повести (за исключением сделанных в XVIII в. дополнений в списке Новгородского музея) не переходит этого рубежа. Заметим также, что хронология является основой повествования. И еще — что не все даты при этом расположены в Повести в порядке возрастания. Но начнем с начала.

Если верить Повести, до основания монастыря — значит, примерно в середине XIII в. — к западу от Белозерска на месте, называвшемся «Плещество водное», или «Переливна», «пыше» именуемом «Верхняя Треста», стояла церковь св. Троицы, в которой произошло чудо прозрения княжича Михаила Глебовича.

Монастырь был основан, согласно Повести, после этого чуда отцом Михаила князем Глебом Васильковичем в 1251 г. Княжич

³⁶ Далее в списке А находится рассказ «Страдание блаженнаго Василька Ростовскаго», не имеющий по содержанию отношения ни к Белозерску, ни к Устьшехонскому монастырю, основывающийся на летописи и чуть подробнее говорящий о том, о чем уже было сказано в начале Повести. Мы продолжаем здесь печатать дополнения к Повести, сделанные в Н в XVIII в.

оставался слепым двенадцать лет и три месяца, а ослеп, когда ему было три года. Получается, что он родился в 1235-м или 1236 г.

Но в этом Повесть противоречит сама себе, ибо там же сказано, что Михаил родился «не по мнозе времени» после гибели при татарском нашествии его деда, Василька Константиновича Ростовского, т. е. *после* 1237 г. Есть даже мнение, что в 1237 г. родился отец Михаила князь Глеб Василькович¹ (не знаю только, на чем оно основывается; наверное, на том, что под этим годом летопись впервые упоминает Глеба — вместе с его братом Борисом — в молитве их гибнущего отца).²

А кроме того, это противоречит известию летописи, что Михаил Глебович родился в 1263 году.³ Правда, в других летописях родившийся в этом году сын князя Глеба называется не Михаилом, а Демьяном.⁴ Но далее сын князя Глеба Васильковича Демьян нигде, кажется, не упоминается.

Обратимся здесь к некоторым сведениям летописей о Глебе Васильковиче и его сыне Михаиле. В 1250 г., значит тринадцать лет спустя после гибели отца, князь Глеб ходил в Орду к сыну Батые, убийцы своего отца, Сартаку, «Сартак же, почтив, и отпусти и в свою вотчину».⁵ В 1251 г., сказано, «поеха Глеб на Белоозеро в свою отчину».⁶ (В другой летописи, правда, поехавший на Белоозеро князь назван Глебом Борисовичем,⁷ т. е., выходит, племянником Глеба Васильковича. Но такой племянник у него неизвестен, известны лишь Дмитрий и Константин Борисовичи; так что «Борисович» к имени Глеба приписано, скорее всего, по ошибке).

В 1257 г. Глеб Василькович женился в татарской Орде: «Тое зимы приеха Глеб Василькович ис Кану земли от царя, и оженися в Ворде»,⁸ — вероятно, думают, на царской родственнице.⁹ Если он родился в 1237 г., то в момент женитьбы ему было двадцать лет — возраст вполне подходящий. Во крещении невесту назвали Феодорой («В лето 7781 преставися княгини Глебова Феодора»).¹⁰

В 1263 г. у князя Глеба и княгини Феодоры родился, как мы уже знаем, сын — то ли Демьян, то ли Михаил. В летописи ничего не сказано о его болезни и слепоте в трехлетнем возрасте. Сказано же, что в 1277 г. князь Глеб с сыном Михаилом и другими князьями ходил в Орду помогать царю Менгу-Темиру воевать с кавказскими ясами, осетинами, и они взяли славный ясский

---

¹ См.: А. Э. Глеб Василькович // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. СПб., 1893. Т. 16 (VIII-а). С. 914.

² ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. С. 466.

³ Там же. С. 524.

⁴ Там же. С. 477; М.; Л., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. С. 144.

⁵ Там же. Т. 1. С. 472.

⁶ Там же. С. 473.

⁷ Там же. Т. 25. С. 141.

⁸ Там же. Т. 1. С. 474.

⁹ Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. Т. 16. С. 914.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 1. С. 525.

город Дедяков (находившийся севернее Дербента); что на следующий год Глеб женил сына на дочери ярославского князя Федора Ростиславича, а вскоре затем, в том же году, «посла сына своего Михаила въ Орду на войну, съ сватом своим Феодором Ростиславичем» (помогать татарам воевать с булгарами).¹¹

Вряд ли князь слепого сына брал бы в поход, женил и посылал на войну. Но, кстати сказать, к моменту кавказского похода возраст Михаила Глебовича приближался как раз к пятнадцати годам. Так что рассказ Повести о его слепоте и прозрении не вовсе несовместим с летописными данными. Неверна его абсолютная хронология: может быть, неточно указан возраст княжича в момент потери зрения, или же некоторая ошибка — во времени, какое мальчик оставался слепым. Но так или иначе, рассказ этот — не невероятен.

С таким утешительным результатом вернемся к Повести.

Как мы помним, там говорится, что после прозрения сына князь Глеб вместе с епископом Ростовским Лукою, укрывавшимся (очевидно, от татар) в Белозерских пределах, «в некоем острове», возвел на месте чуда новую церковь — деревянную, «в высоту зело велику и чюдну» — и создал общежительный Троицкий монастырь, куда собрал более двадцати монахов; а после этого, услышав о Спасо-Преображенском монастыре на о. Валаам «в пределах Великаго Новагорода», отправил туда «довольну милостыню» с просьбой прислать в основанную им обитель игумена, какового — по имени Геннадий — и получил; а после того «создал и другой монастырь — на Кубенском озере»; а затем «паки прииде князь Глеб на Белоозеро, и прочая поживе вся дни живота своего во благочестии и чистоте и в правде»; и потом «преставися к вечным обителем».

На самом же деле князь Глеб Василькович умер, князя в Ростове, 13 декабря 1278 г., значит очень скоро после похода на Кавказ, женитьбы сына и отправки его на войну.¹²

Ограничимся следующим скоромным выводом: если Троицкий Устьшехонский монастырь был основан князем Глебом Васильковичем после прозрения его сына, то это могло произойти не раньше 1263 г., времени рождения Михаила Глебовича, и не позже 1278 г., времени смерти Глеба Васильковича, точнее — не позже 1277 г., когда он взял сына Михаила в военный поход. Может быть, он успел за год—полтора до кончины создать монашескую обитель и найти для нее главу?

Обратим, кстати сказать, внимание и вот на что. Автор Повести особо отмечает, что этот основанный князем Глебом Васильковичем при истоке реки Шексны Свято-Троицкий монастырь был первым в Белозерско-Вологодских землях, что Спасо-Преображенский монастырь на Каменном острове в Кубенском озере был

¹¹ Там же. Т. 25. С. 152.

¹² Там же. Т. 1. С. 525; Т. 25. С. 152.

создан тем же князем «последи», позже. Возможно, автору хотелось доказать, что его монастырь старше Спасо-Каменного.

В Сказании, посвященном специально Спасо-Каменному монастырю, его основание приписывается князю Глебу Борисовичу.¹³ Наверное, автор Сказания видел запись в летописи под 1251 г.: «Того же лета Глеб Борисович иде на Белоозеро въ свою отчину».¹⁴ Автор же Повести, похоже, ни летописи, ни Сказания не видел и лишь слышал, что Спасо-Каменный монастырь основан тем же князем Глебом, что и Устьшехонский. Не удревил ли он сознательно хронологию, чтобы доказать первенство своего монастыря?

Но и в том, что монастырь был основан в XIII в., существуют сомнения. П. Строев так пишет о нем: «Устьшехонский Троицкий, от Белозерска в 17 верстах; основан будто бы в 1251 г. кн. Глебом Василиевичем», — и делает примечание: «Построен в начале XV века. — Акты юридические, с. 10, стб. 1».¹⁵

Обращаемся к «Актам юридическим» и в указанном месте находим грамоту, данную ок. 1490 г. Ферапонтову монастырю на деревню Крохинскую на р. Шексне. В этом документе записаны свидетельства местных жителей — Гриди Лимонова девяноста лет от роду и Иева Терехова семидесяти лет; они-то и упоминают между прочим Троицкий монастырь. Похоже, что речь стариков стенографировали: «Был, господине, некто сын боярский Гаврило Лаптев, а жил, господине, в селе Великом. А то, господине, село — его вотчина. А та деревня Крохинская по сей стороне Шоксны, да и на другой стороне Шоксны Середней погост, по речку по Турбаи до Белоозера, до устья до Белозерского и до Шехонского, — то было, господине, все Гаврилово Лаптева. А и монастырь, господине, Троецкой поставлен на Гаврилове земле. А Гаврило, господине, Лаптев ишол без отрода. И князь Андрей, господине, Дмитриевич взял за себя Великое село Гавриловское Лаптева, а Крохинскую, господине, деревню дал к Троицы на Устье. И Троицкой, господине, монастырь оскудел, игумена не стало. А в ту пору, господине, пришел на Белоозеро князь Иван Андреевич да ту, господине, деревню Крохинскую дал в Ферапонтов монастырь по матери своей по княгине Огрофене. А та, господине, деревня была пуста».¹⁶

Отсюда следует, что:

---

¹³ См.: Сказание известно о Каменном монастыре припомятаюга старца Паисия святаго Ярославова // Православный собеседник. 1861. Ч. 1. С. 197—216; Памятники письменности в музеях Вологодской области. Вологда, 1987. Ч. 1. вып. 2: Рукописные книги XIV—XVIII вв. Вологодского областного музея. С. 407—417; Прохоров Г. М. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси: XI—XVI вв. СПб., 1991. С. 136—162.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 141.

¹⁵ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 85.

¹⁶ Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Изд. Археографического комиссией. СПб., 1838. № 6. С. 10.

1) Монастырь был поставлен на земле, принадлежавшей боярскому сыну Гавриле Лаптеву. Но до Гаврилы Лаптева, при нем или после него — неясно. Ведь «Гавриловой» земля могла называться и после него. И что означает «поставлен» — «основан», «отстроен» или «поставлен на новом месте»? Мы уже говорили, что монастырь неоднократно был переносим с места на место. Возможно и то, что при Гавриле Лаптеве, примерно в конце XIV—начале XV в., во времена монастырской колонизации русского Севера, монастырь очередной раз был обновлен, отстроен, расширен. Но если бы действительно он был в то время основан, то память об основателе, как память о других тогдашних создателях монастырей, благоговейно сохранялась бы в обители.

2) Князь Андрей Дмитриевич Можайский (1382—1432) выморочную, оставшуюся после бездетного Гаврилы Лаптева деревню Крохинскую подарил Устьехонскому монастырю. Значит, в его годы монастырь казался жизнеспособным.

3) Очень скоро после этого, при сыне Андрея Иване Можайском (наверное, до 1434 г., когда Иван Можайский стал активным участником — то на одной стороне, то на другой — борьбы Василия Васильевича и Дмитрия Шемяки), оказалось, что монастырь оскудел, игумена в нем нет, а деревня Крохинская обезлюдела.

Сколь бы странными ни представлялись нам внезапный после возникновения упадок монастыря и забвение имени его создателя, сомнения П. Строева признать бесосновательными мы не можем. Но и уверенности, что монастырь появился в начале XV в., а не раньше, упоминание его вскользь стариками-свидетелями конца XV в. не дает.

Как грамота в конце XV в. составлялась на основании устных показаний свидетелей, так и Повесть в XVII в. писалась на основании устных монастырских преданий. Ясно, что точными хронологическими и историческими данными, вообще письменными источниками автор для этой части своего повествования не располагал, а базировался лишь на слухах и устных рассказах, монастырских легендах, своего рода эпосе, монастырском фольклоре.

Из области такого фольклора, конечно, — сообщаемое Повестью пророчество инок Моисея, современника второго устьехонского игумена, Вассиана (стало быть, жившего, приблизительно в начале XIV века), о четырех местах, на которых предопределено стоять монастырю; на «Переливне», на «Новокрестневе», «в Лимонисе водном» и «среди Посадские стороны на Васильевском Крестце». Мы к этому пророчеству еще вернемся. А сейчас увидим, что писавший справку об Устьехонском монастыре автор середины XIX в. слышал о Моисее, Повести явно не зная: «Троцкий, муж., в уездном городе Белозерске, на посаде. Он был основан в 1341 году князем Глебом Васильевичем Белозерским, сыном св. Васильку Ростовского. Из древних пников здешних известен, по богоугодной жизни, некто Моисей прозор-

ливый, который здесь и погребен. Обитель сия уничтожена, вероятно, весьма давно».¹⁷ Дата 1341 г. и называемый этим автором основатель, как мы знаем, несовместимы.

Обратил ли читатель внимание на высказанные в Повести соображения о происхождении названий Белое озеро и река Шексна? Этимологические заметки о географических названиях — совершенно необходимые с точки зрения главной темы повествования — нередки в повестях о монастырях. Сказание о Спасо-Каменном монастыре, например, объясняет происхождение названий «Княже-Глебова прость» на реках Сухоне и Вологде тем, что князь сократил путь воде этих рек и своим кораблям, перекопав длинные и узкие полуострова, — «И оттолѣ зовется Княже-Глѣбова прость». Объяснение историческое.

Происхождение названия Белого озера объясняется в Повести природными свойствами его воды: «. . . понеже естество имать воды в себе бело, а вода густа и клейна». Это объяснение, так сказать, естественнонаучное. Оно повторено в XVIII в. в «Описании о граде Белезере» (сохранилось в рукописи 80-х гг. XVIII в. — БАН, 12.8.9).¹⁸ Здесь сказано, что сам город Белозерск «как по белой воде, так и по озеру званием тем именуется», озеро же «воду имать в себе белу, густу и клейну» (л. 1—1, об.). Ясно, что автор «Описания» Повесть о монастыре читал и мнение о воде и названии «Белое», которое там выражено, разделял.

Возникновение названия «Шексна» объяснено в Повести слиянием слов «шествие» и «косно». Мысль, как будто, проста, но вторая фраза в этом объяснении — «Приусугублено (*вариант*: приусучлено) имя ей и вкратце сложено под неслагательную титулу без прикрова», — боюсь, сама нуждается в пояснениях. Дословно перевести ее на современный русский язык я не смог бы (что значит «неслагательная титула»?). Могу лишь сказать, как я ее понимаю. Прежде всего, более подходящим по смыслу мне кажется странное слово «приусучлено», нежели «приусугублено». «Приусугублено» — «приудвоено», не так ли? Оно никак не подходит. А «приусучлено» — что-то вроде «приукорочено». В «Толковом словаре живого великорусского языка» Вл. Даля можно найти значение глагола «усучивать» — укорачивать (М., 1955. Т. 4. С. 517). Получается, что «Шексна» есть сокращение двух слов — наподобие того, как сокращаются в рукописях слова, которые принято писать под титулом, вроде сынъ — снъ или цезарь — цръ. Объяснение филологическое. Но опирающееся, конечно, на народные представления.

Мнение о «косности» течения реки Шексны, свойственное обитателям ее берегов в XVII в., можно сопоставить с мнением о кос-

¹⁷ Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. Составлено из достоверных источников Александром Ратшиным. М., 1852. С. 402.

¹⁸ См.: Описание Рукописного отдела БАН СССР. Л., 1971. Т. 3, вып. 3: Исторические сборники XVIII—XIX вв. С. 252—253.

ности *плавания* по Шексне, свойственным им в 80-х гг. XIX в.: «Пароходы по Шексне ходят вообще не особенно быстро; по объяснению местных людей, они двигаются на 3 версты в час медленнее, чем по Волге, благодаря особенной густоте воды».¹⁹ Из этого мнения, кстати сказать, тоже можно «филологическим путем» вывести название реки. Но вернемся к тому, что Повесть рассказывает о монастыре.

На первом своем месте, на Переливне, монастырь стоял, говорится там, двести лет — значит, до или по 1451 г. А это первое переселение последовало за перенесением на новое место города Белозерска. Ниже мы прочтем рассказ «О преселении града Белозера от Усть Шексны реки в Карголом, идеже ныне стоит», в котором переселение города датируется противоречиво: «В лето 6807-го (1399) года, при великом князе Василии Иоанновиче». Но если в 1399 г., то — при Василии Дмитриевиче, а не Иоанновиче. Если же — при Василии Иоанновиче (1505—1533), то не в 1399 г. А если считать двести лет от времени около рассчитанного нами 1277 г., то получится время около 1477 г. К. Случевский же называет датой первого переноса города 1459 г.²⁰ А автор статьи о Белозерском княжестве в энциклопедии Брокгауза и Ефрона, скрывшийся за инициалами В. Р., говорит, что первоначально, по преданию, Белозерск, столица племени Весь, участвовавшего в приглашении варягов, стоял на северном берегу Белого озера, и брат Рюрика Синеус два года правил именно там; на южный берег, к истокам Шексны, перенес его князь Владимир; в 1352 г. город был опустошен чумой, «черной смертью», после чего выстроен в 17 верстах к западу; а при Иване III Васильевиче (1462—1505) этот город был окружен валом и стеной, называемыми «рубленая сыпь».²¹

Как видим, хронология сомнительна и в рассказе «О преселении. . .». И остается сомнительной в Повести о монастыре. Но, пожалуй, не вызывает сомнений сообщение, что «по переселении же того града на новое место — вверх по Белу озеру, от Шехонского устья десять поприщ, начат тот монастырь подмывати водою. И с того места преставиша монастырь на прежнее градское место, емуже имя Новокрестное, а ныне зовомо Угольный мыс — на Усть Шексны реки». Странно, конечно, что монастырь поставили на место города, покинутое, несомненно, потому, что город тоже подмывала вода. Очевидно, монастырь она подмывала сильнее.

Не исключено, что покинутое городом место стало принадлежать Гавриле Лаптеву. Вспомним, что его владения в начале XV в. распространялись «до устья до Белозерского и до Шехонского». И если близки к истине даты переноса города 1352 и 1399 гг., тогда слова стариков Гриди Лимонова и Иева Терехова «а и монастырь,

¹⁹ Случевский К. По Северу России: Путешествие их имп. высочеств в. к. Владимира Александровича и в. к. Марии Павловны в 1884 и 1885 годах. СПб., 1886. Т. 1. С. 32.

²⁰ Там же. С. 35.

²¹ Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. Т. 9 (V). С. 220.

господине, Троецкой, поставлен на Гаврилове земле» имеют в виду строительство монастыря на его втором месте.

Простояв несколько лет на новом месте, монастырь сгорел. Не этим ли объясняется его внезапный столь глубокий упадок, что и игумена в нем не стало?

Но монастырь возродили. И на своем втором месте он оставался, говорится в Повести, 63 года. Цифра почерпнута, я думаю, из каких-то монастырских записей, либо тоже из устных преданий. И естественно, что и «на том месте начат одолевати вода и подмывати тот монастырь»; и пришлось во второй раз его переносить — «по Шексне реке яко полтора поприща (в *Новгородском списке*: яко поприще едино), на место, нарицаемо Лимоновское» — по камню «Лимонису», торчащему из Шексны реки напротив монастыря («Лимонис водный» пророчества).

На этом, третьем месте построили две церкви, одну из них зимнюю. Обе необычайной, если верить автору, красоты и высоты. Первую он описывает как «зело чюдну и високу, крестообразну же и пространну в широту. В высоту убо сажен тридцать семь». Затем со стороны реки была поставлена вторая. Она имела шатровый верх «в высоту сажен девятнадцать». (Если считать, что в сажени 2.336 м, то высота летней церкви получается 86.433 м, а зимней 44.384 м. Когда вспоминаешь Кижский погост, эта невероятная высота начинает казаться вероятной).

Наконец, кажется, мы добрались до точных данных. Почему кажется? Потому что летняя церковь, когда автор писал, еще стояла, он ее форму и высоту должен был видеть. И он мог знать из какой-то записи — на самой ли, как это бывает, церкви или же из каких-то записок о монастырском строительстве, что она «тут ныне стоит сто пять лет». Или, опять же, люди об этом помнили. Пусть люди, но все равно указание на возраст церкви заслуживает, представляется, большего доверия, чем прежние даты, потому что все-таки речь идет о времени, более к автору близком.

Ну хорошо, отнимем от 1620 сто пять и получим 1515 г. как время строительства церкви в монастыре на его третьем месте. А если вычтем еще число лет, которое монастырь простоял на втором месте, 63, то получим 1452 г. как время переноса его с первоначального места на место, покинутое городом. И тем самым убедимся, что автор Повести тоже эти расчеты проделывал, ибо датировал основание монастыря, как мы помним, 1251 г. и сообщил, что на месте основания, на Переливне, монастырь простоял двести лет, т. е., как мы посчитали, по 1451 г. А 1251 г. не соответствует хронологии жизни Михаила Глебовича и свидетельствует, как мы уже знаем, о внутренней противоречивости хронологии Повести. . .

А что если церковь, построенная в 1515 г., не была первой после переноса монастыря на новое, третье место? Может быть, автор Повести сам не понял сведений, которыми располагал, и отсюда его путаница с хронологией? Если в первый раз монастырь переставили (на землю Гаврилы Лаптева) в конце XIV в. и он про-

стоял там 63 года, то на третье место он переехал незадолго до 1463 г. П. Строев начинает свой перечень устьехонских игуменов именами Гурия и Михаила — двух игуменов XV в., не указывая точных дат.²² Их предшественники, в том числе выходец с Валаама Геннадий и его преемник Вассиан, ему неизвестны. Быть может, до П. Строева дошли сведения об игуменах, руководивших монастырем только на его последнем, третьем месте?

А дальше в Повести — опять точные сведения: упомянутый следом за летним теплый шатровый храм девятнадцати саженей в высоту автору самому видеть не довелось, но он точно знает время, когда тот построили и когда его по причине обветшания заменили новым, деревянным: в 7030 (1522) г. построили, а в (70) 92 (1584) заменили. Значит, за строительство прежнего теплового храма взялись спустя семь лет после того, как возвели необыкновенно высокий летний (1515 г.).

Автор, писавший в 1620 г., если он был уже немолод, мог сам быть свидетелем возведения в 1584 г. новой теплой церкви. Во всяком случае, мог знать это видевших.

А вот дальше в Повести говорится о том, что, вне всяких сомнений, автор сам видел, но чего мы тоже никогда уже не увидим, — о месте, на котором стоял монастырь. Обитель со всех сторон была окружена водой: с севера — касающейся монастырской ограды рекой Шексной, с востока — «речкой Волхонкой у Ваягова (или Буягова) поля», с юга — непроходимыми болотом и зарослями, а с запада, «от Белаозера же» (или «от Бела озера?») — речкой Карголкой. Около этой речки помещалась под монастырем слободка Каргулино. Название места Карголом, куда был перенесен город Белозерск, очевидно, как-то с названием речки связано.

Начинает автор это описание местности почти жалобными словами: «Сей же монастырь под собою имеет место обоюду непространно и тесноту имущи многу». А теперь вспомним пересказанное им раньше пророчество — что монастырь будет стоять на четырех местах, и сообразим, что это описываемое им тесное место — ведь только третье. Четвертое, по пророчеству, напоминаю, — «среди Посадские стороны на Васильевском Крестце, где прежде была соборная церковь Великаго Василия и где ныне почивает благоверный князь Глеб». Не намекает ли автор, не говоря этого прямо, что монастырь надо перенести опять — из тесной водяной петли у камня «Лимопис» на место упокоения создателя обители, благоверного князя Глеба Васильковича? Пророчество ведь, получается, не полностью сбылось.

Тема, однако, тут же меняется: речь заходит о дисциплине. Кажется, это большая для автора тема. Автор, может быть (фантазирую), подумал: о каком может идти речь переселении и распространении монастыря, сколь бы желанными они ни были, когда среди его братии нет мира и любви! Ведь большинство иноков в монастыре и бельцов, «сработающих ему», живут «ненависть

²² Строев П. Указ. соч. С. 85—87.

имуще, и мало душу подъемлюще, и роптание держаще, и расколы гоняще».

Если мы опять обратимся к пророчеству, то увидим, что тема здесь меняется точно так же, как там. Ведь пророчествовавший инок Моисей говорит в Повести: «И аще начнут братия радети святому месту сему, и меж собою духовную любовь имети с верою же и правдою и терпением благодарным, и со смиренномудрием жити, то монастырь сий ничем не оскудеет, но и паче распространитца. . .»

О том и мечтал автор Повести, о чем пророчествовал у него инок Моисей.

Естественным образом единая в своем развитии основная часть повествования оканчивается нравоучением: «Сего ради, братие, какова хотим к себе брата своего, такови подщимся и сами ему быти. . .» Я думаю, писал Повесть игумен, глава монастыря. Кто бы иной чувствовал себя вправе учительски обращаться ко всей братии?

Завершил автор свое поучение просьбой к инокам молиться о нем «окаянном» — чтобы не лишился он ни их, ни вечного покоя: «. . . да и аз не лишуся вас, вечного покоя». Может быть, что-то пропущено и должно быть, допустим, «вас ради. . .»? Чего-то, кажется, во фразе недостает. Но все-таки возможно и то, что игумену что-то угрожало, вследствие чего он мог расстаться со своей братией, а при этом лишиться и вечного покоя. Вскоре у нас будет случай убедиться в вероятности такого допущения.

Заглядывая в «Списки иерархов и настоятелей монастырей» П. Строева (с. 85—87), видим, что как раз после 1620 г. в Усть-шехонском монастыре сменился игумен: с 1615 г. по 1620-й во главе обители стоял некто Матфей, а в 1621 и 1622 гг. — Нифонт. Возможно, таким образом, что имя автора Повести — Матфей.

3. ДОПОЛНЕНИЯ К ОСНОВЕ

В семнадцатом веке монастырь претерпел множество бедствий и начал клониться к упадку. Таких церквей, как в предыдущем столетии, здесь уже не сооружали, разве что в самом начале века.

Мы видели, что в Повести дальше речь снова идет о церковном строительстве, — говорится, что в 1604 г., при игумене Маркеле (по П. Строеву — 1604—1614 гг.), при строителе старце Иоасафе по прозвищу Луженый в монастыре поставили (по контексту ясно, что начали ставить) теплую церковь, опять со стороны реки, «о пяти версах, с каменоделнаго подобия». Значит — пятиглавую деревянную, повторяющую по форме каменные; «зело чюдну, и пространну, и високу». Ее завершили в 1607 г., освятили в 1609-м, а в 1613-м, 6 февраля, она сгорела, и из нее ничего не успели вынести, «зельнаго ради жара и преодолевшаго огня».

28 июня 1612 г. в монастырь из Москвы прибыл «некто черноризец <. . .» именем Иосиф с грамотой, свидетельствовавшей,

что он назначен на должность строителя. Насельники монастыря, наверное, не успели еще понять, какое бедствие с прибытием этого человека их постигает, как 30 июля 1612 г. стряслась очевидная беда: Белозерск и Троицкая обитель подверглись нападению одного из бродячих польско-украинских отрядов. Хотя отряд был невелик, город он сжег, множество жителей перебил, монастырь разграбил. Белозерск после этого покинул Карголом: «. . .оттуда в 1612 г., разоренный шайкою вольницы, поставлен на настоящее, третье место».²³

Видимо, город пострадал первым, и монахи «и прочия люди манастырские» успели укрыться в непроходимых болотистых чащах «и здравие добре получиша» — остались живы-здоровы. Вернувшись, иноки увидели, что поляки и «украинных городов люди» в Божиих церквах «пакость многую учинили», «Божеству ругалися, и оклады с образов здирали, и образы на землю метали».

А через полгода пожар уничтожил, как мы знаем, еще новую теплую церковь.

Но, кажется, эти единократные несчастья — нашествие разбойников-иноплеменников и пожар — вскоре представились обитателям монастыря не такими уж страшными по сравнению с продолжительной хозяйственной, вернее — антихозяйственной, деятельностью в нем строителя Иосифа: рассказ об Иосифе, начинающийся временем его прибытия в монастырь (до нападения поляков и пожара), рассказчик продолжает по 2 февраля 1617 г., не упоминая о нападении и о пожаре. Об этом говорится отдельно, о пожаре — раньше, а о нападении позже, в конце всей Повести.

Четыре года хозяйничанья Иосифа в обители назвали там «неуставным временем». За эти годы добрые люди Устьшехонского монастыря хорошо поняли, что Иосиф — не строитель, каким ему полагалось быть, а разоритель, «зол человек, смутник и расколник», «злый волк», «плотяный бес». Судя по тому, что о нем сказано в Повести, этот представитель наступившего «бунташного века» был одержим страстью стяжательства, властолюбив, циничен, хитер и в средствах неразборчив. Он «благочиние разорил, а сокровища манастырская истощил, а братии всякую скорбь и тесноту нанес», «о святом месте никакоже порадея, ни же радеющим воли даяше, но смутами и расколами пресекаше, и неразумными кознями ков воздвизаше, яко плотяный бес, и готовя елика святому месту на разорение и пагубу, а братии на тщету и разгнание, себе же на собиране богатства и неправедную корысть».

Погоревшая при нем теплая церковь за время его пребывания в монастыре так и не была заменена новой, и братия «церковное пение зимой совершали в столовой кельи» — там, где ели.

Но потом добрые люди собрались с духом и с силами. Может быть, они навели справки и узнали, что грамоту, назначавшую его к ним в монастырь строителем, Иосиф «искупи мздою у дьяков на

²³ Случевский К. Указ. соч. С. 35.

Москве». И это придало добрым людям решимости, и они изгнали из своей обители этого гостя из будущего, вызванного оттуда Смутным временем.

А на деньги, какие смогли после него собрать, возвели очередную, гораздо более скромную, чем прежние, теплую, зимнюю церковь: низкую, о двух верхах, тоже деревянную, по образцу каменных — «на каменное подобие»; и освятили ее 2 февраля 1617 г.

Вероятно, игумен Матфей, при котором была построена новая церковь, возможный автор Повести, был главой добрых людей, боровшихся с «лжеименитым строителем».

4. МОНАСТЫРСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Вот, получилось, мы как бы перечли Повесть по основным ее спискам. И мы увидели, что это монастырская хроника, своего рода летопись, базирующаяся вначале на устных монастырских преданиях-легендах (несомненно, исторических в основе, но несомненно же, многое в хронологии перепутавших), а затем — и на каких-то монастырских же записях, надписях или документах, рассказах стариков-очевидцев и на собственных наблюдениях писателя. Мы различили в Повести основу, созданную в 1620 г. одним человеком, вероятно игуменом Матфеем, и даже составили суждение о его возможной заинтересованности — во-первых, в утверждении древности, старшинства в Вологодских землях его монастыря (в первую очередь по сравнению с основанным тем же князем Глебом Спасо-Каменным); а во-вторых — в перенесении его на четвертое, указанное им через пророчество, пространное место. Может быть, он сам и продолжил созданную им и завершенную проповедью основу, а может быть (если его опасения оказались не напрасны и, расставшись с игуменством, он растался и с братией), кто-то сделал это уже после него.

Но в любом случае Повесть эта — общее монастырское достояние, благодаря своей задаче, тематике прежде всего. И она ведь не надписана ничьим авторским именем. Даже если вся она — произведение одного сочинителя, она все равно открыта для творчества, продолжения другими. Как и настоящая русская летопись, это сочинение в принципе коллективно-безымянно-авторское.

Кстати сказать, писец, сделавший в 1685 г. список ГПБ, Q. XVII.80, который мы приняли за основной при воспроизведении Повести, как раз и назвал ее «летописцем»: «193 л(*ета*) написал список с старого лѣтописца и послал в Савви Сторожевский монастырь». Эта запись сделана на предшествующем Повести чистом листе (16-м), и ниже ее на странице — лишь сокращенное название Повести: «О зачалѣ и о создании Троицкого монастыря, что на Усть-Шексны-реки». Так что сомнений, что название «летописец» относится именно к Повести, никаких нет.

Один из соавторов (вероятно, в конце XVII в., когда была создана в Вологде рукопись, хранящаяся ныне в Новгородском музее под номером 10934) слегка отредактировал Повесть — сделал многочисленные, но незначительные изменения, вставки, пропуски (их можно видеть по разночтениям списка Н), но притом и изменил смысл одного важного места — где автор говорит о плохом нравственном состоянии большинства братии и бельцов, работающих в монастыре (как мы помним, тот пишет, что они живут, «ненависть имуще, и мало душу подъемлюще, и роптание держаще, и расколы гоняще», и лишь немногие из них «любовь имут и незлобие ходят»). Это место редактор переделал в «беспорядочном», «лакирующем» действительность духе: «Братия же в монастыри том и бельцы, работающии ему мнози, свою жизнь препровождает в нем, имуще незлобие и любовь, и долготерпение подъемлюще, и согласие имуще, и благодарение держаще, ждуще общего упования и покоя вечнаго тамо обрести от Бога». Ясно, что заботы автора Повести были ему уже чужды.

Похоже, что этот редактор располагал основой Повести лишь с самым первым к ней дополнением, касающимся церкви, построенной в 1604 г. и сгоревшей в 1612 г. Но последние слова этого списка — о четырех годах «неустановленного времени» — заставляют допустить, что редактор видел рассказ о «лжеименитом» строителе Иосифе и сознательно, движимый тем же побуждением говорить только хорошее о внутренней жизни монастыря, его опустил.

Подобным желанием, похоже, руководствовался и продолжатель Повести в XVIII в. Он объяснил задержку с восстановлением сгоревшей церкви так: «Понеже бо в людех мор бысть и нашествие ляхов на всю Российскую землю и на вся пределы Северных стран. И по сем возградися монастырь во всем по-прежнему». Он сказал, как видим, лишь о внешних, «объективных» помехах для восстановления. И при этом указал одну новую, нам доселе не известную, — мор в людях, эпидемию.

Этот продолжатель продолжил Повесть сообщением о строительстве в монастыре в 1655 г., при игумене Данииле по прозвищу Лошадь, дав при этом хорошее — в стиле первоначального автора — описание новых сооружений: «. . . поставлена церковь живоначальная Троицы крестообразная о пяти верхах, и с западную страну — паперть забирная и сходы двокровная, и теплая церковь Благовещения пресвятыя Богородицы, и в ней — придел великомученика Димитрия Селунскаго, и переходы на трубах, на средине их — колокольня шатровая, да ограда монастыря, и двои врата — всё от дерева построено». Мне кажется, описания в Повести деревянных строений заслуживают внимания историков архитектуры.

Есть еще три датированных дополнения к Повести в Новгородском списке, но они относятся к XVIII в., и поэтому мы пока от них отвлечемся.

5. «НЕСЛАГАТЕЛЬНАЯ ТИТЛА» И «СЛАГАТЕЛЬНЫЙ РАЗУМ»

В Отделе рукописей Библиотеки АН СССР в разряде «Текущие поступления» под номером 613 хранится рукописная книга XVII в., содержащая на л. 255—269 «Послание к некоему иноку о хмелю» — почти художественное произведение о вреде пьянства. Из самого этого послания явствует, что оно написано «много согрешивым и непотребным Матфеем» в «обители живоначального и безначального пресущественного триипостасного единосущного и неразделного трисолнечного Божества, пресвятых живоначальных Троица» в ответ на письменную просьбу, присланную «с Вологодские страны на Усть-Шексну» неким «возлюбленным о Христе братом» кир Моисеем.

Листы бумаги с «Посланием к некоему иноку о хмелю» имеют в верхнем внутреннем углу (рукопись в 8-ку) водяной знак дом под крестом и змеей (л. 263, 265 и 268), указывающий на 1629 г.²⁴ Так что список Послания был сделан спустя немного лет после создания Повести.

На обороте последнего, 236-го листа рукописи есть владельческая запись почерком XVII—XVIII вв.: «Сия книга, глаголемая Сборникъ, Бѣлозерского уѣзду Судского стану Хилецкой волости церковного причетника Данила Стефанова. А подписал сию книгу своею рукою» (о том же сообщает запись по нижнему полю первых листов книги). Видимо, список Послания восходит к авторской копии, а не к получательскому ее экземпляру, потому что тот должен был ведь уйти из Белозерья в «Вологодскую страну».

О Послании сообщила обнаружившая этот его список Н. С. Демкова.²⁵ Теперь она в соавторстве с Т. А. Махновец его напечатала.²⁶

Итак, перед нами — второе литературное произведение, созданное в Троицком Устьшехонском монастыре (издательницы Послания монастырь почему-то не отождествили: «Под Вологодой, — пишут они, — существовало несколько Троицких монастырей»).

Имя автора Послания — заметили? — как раз то, какое мы сочли вероятным именем автора Повести о монастыре.

Как отмечают издательницы Послания о хмеле, в древнерусской литературе немало назидательных сочинений, обличающих порок пьянства; среди них одно из самых поздних, это Послание

---

²⁴ См.: Дианова Т. В., Костюхина Л. М. Филигранные XVII в.: По рукописным источникам ГИМ: Каталог. М., 1988, № 527. А. А. Амосов, любезно помогший мне определить филигрань, заметил, что знак такого типа исчезает в 40-х гг. XVII в.

²⁵ Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные проблемы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 164—165.

²⁶ Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 244—249.

обнаруживает «наибольшую снисходительность к человеческим слабостям» и широко использует тексты, написанные на ту же тему ранее.²⁷ Думаю, что вступление, где автор себя называет, — наиболее оригинальная часть его работы. Прочтем его вместе:

«Писал ты ко мнѣ, недостойному, с Вологодцкие страны на Усть-Шексну писати тебе о пьянственном питии и о хмельном буйстве, и о егове злохитрстве, и о человечестѣй погибели от хмелю, и о пьянственной безвѣстной смерти, и молил мя еси убѣдиться на се. И азъ, поминаючи к себѣ прежнюю твою духовную любовь и многая твоя благохотѣнія и добродѣйства, пишу ти от недомыслия моего и малоумия, елико Богъ вразумит мя и твоя святыя молитвы помогут мнѣ, и елика мало смыслу от моего безумия и забвения ума, понеже в Афинѣх есмь не бывал, и с философы не живал, и мудрости никакие ся не научил, и с риторы не бесѣдовал, и книгам гораздо не навыклъ и слагателному разуму от них не наказанъ, но сице о сем по ряду о всем возлюбленному моему о Христѣ брату кир Моисею много согрѣшивый и непотрѣбный Матфей много челом бью и писанийцом бесѣдую в разстоянии жития сице».²⁸

В этом небольшом с большими этикетными самоуничижительными формулами вступлении мы находим словечко, странное словечко «слагательный» («слагательный разум»), заставляющее вспомнить другое странное словечко — «неслагательный» («неслагательная титла») из той фразы в Повести о монастыре, перевести которую я признал себя неспособным. По стилю отождествлять авторов древнерусских литературных произведений очень трудно, почти невозможно; но и не обращать внимания на совпадения раритетов неразумно.

В Послании о хмеле за вступлением следует, так сказать, художественная часть, где олицетворенный Хмель, связанный по рукам и ногам победившим его человеком, открывает тому все свои приемы погубления людей. А в конце автор снова прямо обращается к заказчику-читателю и говорит ему среди прочего что бывает, когда пьют больше трех «кратирцев» «гарѣльного вина»: «Бывает же и на проспании от похмелья сего множицею смерть, якоже и отец мой от похмелья безвѣстную вкусил смерть и окаянную кончину подъят».²⁹ Так что и у этого писателя XVII в., как и у протопопа Аввакума, отец «прилежал» хмельному питию. Да и о себе самом он пишет, смущаясь: «А еже ти пишу сице, и сим во всем всяко сам себе осужаю, паче же и горши сего содѣваю. О горе мнѣ, прелюбодѣю!»³⁰

Но, я думаю, хорошо знакомых с пьянством людей и в те времена, как и сейчас, было больше, чем хорошо пишущих; так что корреспондент — заказчик Послания, вологодский инок Мои-

²⁷ Там же. С. 616—617.

²⁸ Там же. С. 244.

²⁹ Там же. С. 248.

³⁰ Там же. С. 249.

сей, решив бороться с хмелем, обратился к устьшехонскому монаху Матфею, наверное, потому, что знал, что тот не только его поймет, но и написать ему сможет. Не Повестью ли объясняется известность Матфея как пишущего человека?

Как бы то ни было, мы теперь видели, что в XVII в. в Устьшехонском монастыре писали не только хроникальные заметки.

6. ДОКУМЕНТЫ

Обратимся теперь к другим доступным нам материалам, касающимся жизни Устьшехонского монастыря в XVII столетии.

Разумеется, мы не претендуем на участие в коллективе авторов — создателя и продолжателей Повести. Произведения такого рода *были* открыты для сотворчества, — пока была жива та литература, та культура, та среда, те коллективы, о которых они свидетельствуют. Мы уже не имеем права как бы то ни было вторгаться в них «со своим пером», даже если бы взбрела нам в голову такая странная мысль. Однако же дополнить здесь сведения Повести тем немногим, что удалось разыскать о жизни Троицкого Устьшехонского монастыря в XVII в., когда он стал центром некоторой литературной работы, представляется уместным.

1) Приходно-расходная книга 1630 г.

В архиве Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ АН СССР) в коллекции 115 под номером 899 хранится тетрадка на 59 листах, на л. 2 которой почерком XVII в. написано: «Приходная». Это Приходно-расходная книга Троицкого Устьшехонского монастыря за 1630 г. Начинается она (л. 3) записью: «Лѣта 7138 (1630) года июля въ 1 день. Книги приходные денгам. По благословиению отца нашего игумена Варсонофия Троецкого монастыря еже о Христе з братьею, послан старец Иосифъ Лазарев в казенную кѣлью. Велено ему вѣдати Троецкая казна». На л. 45 той же тетрадки — схожая запись «Лѣта 7138 (1630), июля въ 1 день. Книги приходные платьею обуви. По благословиению отца нашего игумена Варсонофия Троецкого монастыря еже о Христе з братьею, послан старец Иосифъ Лазарев в казенную кѣлью. Велено ему вѣдати Троецкая казна».

Значит, 1 июля 1630 г. старец Иосифъ Лазарев, получив в свое ведение казну, одежду и обувь Троицкого монастыря, завел эту тетрадку, в которой и стал делать соответствующие пометы.

Игумен Варсонофий правил Устьшехонским монастырем, по П. Строеву, между 1630 и 1642 гг. Наверное, он поставил старца Иосифа казначеем, начиная свое правление.

Думаю, что это не тот лжеименный строитель Иосиф, которого выгнали из монастыря в 1616 г. Но кто знает! Ведь не исключено, что он опять подкупил — наворованными в монастыре день-

гами — патриарших дьяков и вернулся в обитель победителем над добрыми людьми.

Казначей Иосифа Лазарева проверяли. На поврежденном первом листе его тетрадки можно разобрать: «. . . девятого году (1631) < . . . > а по сей < . . . > книшке на соборе считали, да руки приклали игумен поп Серапион по четыредесять. . .»

В самой тетрадке несколько раз после хозяйственных записей встречаются свидетельства того, что ревизоры ее в руки брали и руку к ней прикладывали. Кстати сказать, по оставленным ими распискам заметно продвижение по службе попа Серапиона. Сначала он проверял старца Иосифа вместе с благословившим того на казначейство игуменом Варсонофием. На л. 37 читаем: «Игумен Варсонофей руки приложил книгам. Черный поп Серапион руку приложил. Сам руку приложил». «Сам» — по-видимому, писавший это казначей Иосиф Лазарев: имена игумена Варсонофия, черного попа Серапиона и казначея Иосифа читаются рядом в записях-скрепах, сделанных по нижнему полю листов тетрадки. А на л. 40, об. видим расписку «черного попа Серапиона» уже в качестве игумена: «Игумень черной поп Серапион руку приложил». Тут опять и казначей «Иосиф руку приложил». Значит, игумен сменился, а казначей остался.

Как видим, Серапион проверял казну еще в игуменство Варсонофия; вступая на его место в 1631 г., он, вероятно, и учинил ту проверку, о которой сообщается на поврежденном ныне первом листе приходно-расходной тетрадки.

Разумеется, записи и расписки в приходно-расходной книге — не литература. Но — своеобразное дополнение как к хроникальным заметкам, так и — своей ненавязчивой дидактичностью — к поучениям о вреде пьянства.

2) Патриаршья грамота и монастырская отписка 1655 г.

Существуют еще два поучительных документа XVII в., из которых мы узнаем о другом малоприятном деле, касающемся Устьшехонского Троицкого монастыря.

В Парижской Национальной библиотеке в Департаменте манускриптов под шифром Slave. 68 хранится коробка с десятью «столбцами» — оригиналами грамот, присланных из Москвы в Кирилло-Белозерский монастырь в XVII в., причем к некоторым из них подклеены копии ответов на них из монастыря в Москву. Это часть кирилло-белозерского архива. Второй из столбцов, составленный патриаршей грамотой в монастырь и копией ответа из монастыря, имеет отношение к Устьшехонской обители. Из этих грамот становится ясным следующее.

8 сентября 1655 г. в патриаршем разряде в Москве дьяк Иван Косошилов написал, а 7 октября 1655 г. некий стрелец принес в Кирилло-Белозерский монастырь грамоту, адресованную от

имени патриарха архимандриту Митрофану, старцу Савватию Юшкову и келарю старцу Матвеем с братией. В грамоте сообщалось (начало ее утрачено, но она вся пересказана в ответном послании), что по указу патриарха «з Белоозера ис Троецкого монастыря с Усть-Шексны реки» был взят строитель старец Филарет, переведен в основанный Никоном в Новгородском уезде Иверский монастырь и поставлен там келарем. Однако оттуда он сбежал, «не дав в монастырской казне отчету». Причем, сбежал не один, а со служками. До московских чиновников дошел слух, что он вернулся туда, откуда был взят, и «ныне де он живет и с служками в том же Троицком монастыре на Усть-Шексны реки». Грамотой предписывалось послать кирилловского келаря Матфея со слугами в Устьшехонский Троицкий монастырь для сыску беглого келаря, старца Филарета, и служек. Велено было, сыскав их, заковать и на монастырских подводах доставить в Москву, по пути наблюдая, «чтобы они над собою дурна никакова не учили и з дороги не ушли».

Через пять дней, 12 октября, из Кириллова монастыря, отправилась сыскная экспедиция во главе с келарем старцем Матфеем к истокам Шексны. Из дополнений к занимающей нас Повести мы знаем, что игуменом Троицкого монастыря в 1655 г. был Даниил по прозвищу Лошадь. К нему, очевидно, и обратился командир кирилло-белозерской команды келарь Матфей.

И уже на следующий день, 13 октября, в Москву с монастырским слугой Евсевием Ащериным была отправлена дьяку Ивану Кокошилову ответная грамота («отписка») кирилло-белозерского руководства — о выполнении предписания. На обороте ее копии отмечено: «И к строителю Паисею писано» (наверное — в пострадавший Иверский монастырь человеку, под началом которого там служил старец Филарет).

Из «отписки» ясно следующее. Не давший отчета старец Филарет был в Троицкой обители сыскан; а служки — нет: «. . . а про служек, государь, которые с ним, с старцем Филаретом, из Иверского монастыря бежали, Троецкого монастыря Усть-Шексны реки игумен Феодосий з братьею сказали: В Троецком де монастыре их нет, и не бывали, и про них не знают».

Монастырские слуги Евсевийка Ащерин да Ивашка Козмин с товарищи, сковав старца Филарета, посадили его на устьшехонскую подводу и повезли в Москву, путем, наверное, зорко глядя, как предписано, чтобы тот «над собою дурна какова не учинил и з дороги не ушел». В Москве они должны были сдать его и «отписку» в патриаршем разряде «боярину Борису Ивановичу Нелединскому, да дьяку Ивану Кокошилову, да Лукьяну Толосову». Что, наверное, и было в точности ими исполнено. Бывали, впрочем, случаи, когда перевозимые в оковах арестанты «из желез» убегали, как, например, старец Киприян, который в 1657 г. по пути в ссылку в Кирилло-Белозерский монастырь из муромского Спасского монастыря «в Пошехонском уезде у реки Шексны в де-

ревне Василисице ушел безвесно». Но у того был лишь один конвоир (мог задремать), а у старца Филарета их было много.³¹

Вот такая еще одна неприятная история была связана с Устьшехонским монастырем в XVII в. Опять с его строителем.

Еще раз вспомним, что автор повести «О зачале и создании. . .» в 1620 г., через четыре года после изгнания «лжеименитого строителя Иосифа», писал о тяжелом нравственном состоянии большинства братии. Возможно, он же с хорошим знанием дела написал вологодскому инок сочинение о губительности пьянства. Вспомним, кстати сказать, и вот что: чтобы стать строителем, Иосиф подкупил дьяков в том самом патриаршем разряде, куда повезли скванного старца Филарета. Нравственный уровень московских дьяков к середине века по сравнению с его состоянием в Смутное время мог, предположим, повыситься, а вот раны, нанесенные Иосифом духу провинциального «стада Христова», которое он, как сказано в Повести, «разврати и распуди», заживали, должно быть, медленней. Да и атмосфера начатых патриархом Никоном церковных реформ и гонений не способствовала оздоровлению обстановки. Возможно, впрочем, что бегство старца Филарета и служек было их сильной реакцией на Никоновы нововведения.

3) *Опись монастырского имущества 1661 г.*

Когда происходила история со старцем-беглецом Филаретом, Троицкий Устьшехонский монастырь уже не был полностью самостоятелен. По сведениям П. Строева (с. 85), 30 июля 1651 г. этот монастырь был приписан к Саввину Сторожевскому. Как мы увидим дальше, одна обитель в конце концов поглотила другую, но увидим также, что это произошло не в один миг — процесс поглощения шел постепенно.

В 1661 г. была составлена Опись имущества Устьшехонского монастыря: ³² «Лѣта 7169 (1661) декабря в 6 день, по указу великого господина преосвященного Маркѣла архиепископа Вологодскаго и Белоозерскаго и по наказной памяти, велено ехать архиепископлю сыну боярскому Федору Блинову в Белозерский уездъ въ Троецкой монастырь, что на Усть Шексны реки, и велено взять у келаря или у казначея прежняя описныя книги, по чему онѣ в том монастырѣ владѣют, да примѣряяся к тѣмъ прежним описнымъ книгамъ, пересмотря все на лицо, переписать церкви

³¹ Тексты этих документов и более подробно о них см.: *Прохоров Г. М.* Две грамоты 1655 г.: Из Москвы в Кирилло-Белозерский монастырь и обратно. С приложением других документов // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1991. Т. 26. С. 222—232.

³² Государственный архив Вологодской области (ГАВО), ф. 883, оп. 1, № 31. Часть этой Описи опубликована в кн.: *Деловая письменность Русского Севера XVII века: Материалы к практическим занятиям по истории русского языка.* Вологда, 1986. С. 21—22. (Вологодский гос. пед. ин-т). Под номерами 231 и 51 в Архиве сохранились также Описи Троицкого Устьшехонского монастыря 1674 и 1679 гг. Далее я их тоже цитирую.

Божии и в церквах Божие милосердие: образы, и у образов приклады, и сосуды церковныя и мѣдныя, и поставныя свѣчи, и книги, и ризы, и стихари, и всякую церковную утварь, и на колоколице колокола, и в монастырской казнѣ государевы царевы и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца жаловалные грамоты, и в казнѣ же деньги и всякую монастырскую казну, и кабалы денежные и хлебные все порознь и по статьям, и в монастырѣ во всѣх службах, и в поварне, и в хлѣбне всякия сосуды, котлы желѣзные и мѣдныя, и сковортки мѣдныя, и всякия сосуды мѣдныя и оловянные, и на монастырскомъ на конюшенном и на коровьем дворех и по селам лошади стоялые и обиходные, и волы, и коровы, и всякую мѣлкую животину, и в монастырских житницах в монастырѣ и по селам всякой сухой хлѣбъ и на поле стоячей, и мельницы монастырские, и рыбные ловли, и всякие монастырские угодыя, и в монастырѣ же и в селех всякихъ монастырских служебников, и крестьян, и бобылей всѣх имянно переписать в двои описныя книги и, переписав, приказать тот Троецкой монастырь и всякую монастырскую казну по книгамъ, и братью, и служек, и служебников, и крестьян, и бобылей, и монастырскую вотчину со всемъ вѣдать игумену Иоанну з братьею; и приказать старцамъ и всей братье, и слушкамъ, и служебникам, и вотчиннымъ крестьянам, и велѣти ево, игумена Иоанна, слушати во всем и почитати, как и в прочих монастырѣхъ слушают и почитают.

И по той великого господина наказной памяти, архиепископлъ сынъ боярской Федоръ Блинов, приехав в тот Троецкой монастырь, и взял в казнѣ описныя книги сто шестьдесят осмаго (1660) году, как тот монастырь описан был по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца указу, и по грамотѣ описывал Кирилова Новоезерского монастыря строитель старец Гурей Невѣров на строителя старца Галактиона».

Во второй половине XVII в. монастырь описывали, как видим, едва ли не каждый год, сверяя имущество с описями ближайших прошлых лет. В 1661 г. одну из них нашли — 1660 г., новоезерского строителя старца Гурия Неверова, при строителе Галактионе, а другую — дьяка Данилы Столбитского, при игумене Игнатии (чуть более раннюю?) — не нашли: «А что описывал тот Троецкой монастырь дьяк Данило Столбитской на Игумена Игнатя, и тѣхъ описных книгъ в казне не сыскали. А сказали того Троецкого монастыря казначей старец Гурей з братьею: тот де игумен Игнатей взят к Москвѣ въ государевѣ дѣле наскоро, и описныя книги увез з собою, а других де таковых книг в казнѣ не оставил». Перед нами — след еще какого-то малоприятного дела, затронувшего Устьшехонский монастырь. Ясно, что срочно взятый по обвинению или подозрению «в государеве деле» в Москву и захвативший с собой туда монастырскую опись игумен Игнатий от туда не вернулсЯ.

Описями можно пользоваться как путеводителями по мона-

стырю. Цитирую опять Опись 1661 г.: «Троецкой монастырь стоит на Усть-Шексны реки, а в нем соборная церковь Живоначальная Троицы деревянная о пяти главах, покрыт чешуею» (в Описи 1679 г. тут отличие: «покрыт тесом»). Указывается также «церковь теплая Благовѣщения Пречистыя Богородицы» и говорится, что «над Святыми вороты вновь построена церковь Алексея челоуѣка Божия деревянная шатровая». Кроме того: «Да на монастырѣ подлѣ Святых ворот онбарѣ вновь поставлен < . . > Да ворота рубленые — ходят по воду на реку. Да другие ворота задние, с поля, на верях. Монастырь огорожен: половина от реки — рубленая ограда, а другая — забрано забором в столбы. Над водяными вороты образ Пречистыя Богородицы Знамение на празелени. На монастырѣ двѣ кѣльи игуменские в одних сѣнях, да десять килей братских, а в нихъ пятнадцать братов (в 1674 г. было «шеснатцать челоуѣкъ», а в 1679 г. — «дватцать». — Г. П.); да кѣлья дьячья, а в ней пять челоуѣкъ дьячков (в 1674 г. было восемь, а в 1679 г. — «тринатцеть»); да кѣлья поваренная, да поварня — про братью есть варят; два погреба, литней да зимной, а поверху сушило; да за монастыремъ поварня — квась варят, а в ней котел железной на очапѣ ветхъ < . . > Да против Святыхъ ворот два онбара ловецких, а в нихъ рыбных снастей < . . > Да на монастырѣ хлѣбня лѣтняя < . . > да за монастыремъ, за задними вороты, житница, а в ней хлѣба нѣтъ < . . > Да под монастыремъ, слободка, а в ней живут служки и служебники шестнатцеть челоуѣкъ. А крестьянскихъ и бобыльскихъ во всей монастырской вотчине двѣсти девятнатцеть дворов, а людей в нихъ семьсотъ шестьдесят два челоуѣка».

Знаем мы из Описи и о том, чем владел монастырь на расстоянии. В Заболоцкой волости ему принадлежало «монастырское сельцо Шепетово, а в немъ два двора монастырскихъ»; «в Ворбозомьской волости — монастырская мельница, а на мельницѣ дворъ монастырской, на дворе кѣльи с сѣнми, конюшно ветхо, на плотине мелнишной онбарѣ, а в нем жерновы однѣ да восемь ступ. Да за Белым озеромъ в селѣ Маексе — монастырская мельница, два онбара мелнишных, а в нихъ трои жерновы, девят ступ; да у той же мельницы дворъ — изба ветха, да клѣтъ. Дворъ огорожен заборомъ, а на дворе мерин езжалой, два онбара хлѣбные порожные. . .»

Заглянув с помощью Описей в уже знакомую нам монастырскую «казенную избу», мы узнаем, что там хранилось множество документов, грамот, «монастырскихъ крѣпостей прежнихъ государей, царей и великихъ князей: двѣ грамоты харатейныхъ за красными вислыми печатми; да двѣ грамоты листовыхъ блаженныя памяти государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси: одна на рыбныя ловли и на сенныя покосы лѣта седьмь тысящъ сто дватцать втораго (1614) году, а другая грамота тарханная сто тритцать втораго (1624) году; да листовая жъ правая грамота новая сто пядесят третьяго (1645) году, — что было дѣло с Кузмой Корнильевымъ; да листовая жъ выпись з дозорныхъ книг

писма и дозору князя Семена Елизарья Старово восемьдесят девятого (1581) году. Да столбцовых грамот блаженные памяти царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси и государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержца жаловалных и всяких розных дѣл дватцать грамот. Да старых же грамот четырнатцеть в розных дѣлахъ. Да выпись на Ворбозомъскую мельницу и на пустошь Трофимовскую Богдана Кадникова да подьячево Ильи Перелякина сто дватцеть втораго (1614) году. Выпись з дозорных на всю монастырьскую вотчину сто дватцеть шестаго (1618 г.). Двѣ выписи писцовыя ратмана Торбѣива сто дватцать девятого (1621) году. Да князя Микиты Шеховского сто тритцать четвертаго (1626) и сто тритцать пятого (1627) годов. Да выпись с переписных книг Силуяна Павлова сто тритцать пятого (1627) годов. Да свиток мировых записей в разных дѣлах. Связка списков зъ государевых грамот и крѣпостей. Свяска старых даных на сенные покосы и на всякие вотчинные угодыя. Да свяска же данных и всяких платежных отписей. Да свяска ссудных жилых записей на вотчинных крестьян розных годов. Да свяска — митрополюи грамоты, благословенных».

В 1661 г. в казне хранилось также «кабал заемных на тритцать рублей». Наверное, долги и поставили Устьшехонский монастырь в зависимость от Саввина Сторожевского.

Среди описанной «казенная рухляди» Троицкого Устьшехонского монастыря обращают на себя внимание некоторой неуместностью воинские принадлежности. Опись 1661 г. отмечает «шесть стволов пищальных, двѣ яндовы мѣдныя, двѣ кольчюги, да шапка, сабля ломаная, ледунык (сумка для патронов. — Г. II.) ветха». В Описи 1674 г. перечислены «четыре ствола пищальные, три карабина, три пистолы со листрами, пистоль безо листра, двѣ ломаны латы, двѣ кольчюги, сабля, шапка желѣзная». А по Описи 1679 г. — «бѣлые ружья, двѣ пищали гладких, одна долгая, а другая короткая, мушкѣт три, карабина три пары, пистолет да пищаль цыльная гладкая, латы, двѣ колчюги, шапка желѣзная, сабля бес крыжа, двѣ сабли держаны». Вероятно, после Смутного времени обитель решили вооружить на случай новых разбойных на нее нападений и сносили туда бывшее в употреблении вооружение (подбираемое, наверное, по полям и дорогам после ухода поляков). В начале XIX в. по инициативе любителя старины К. М. Бороздина были зарисованы «шлем европейской формы» и наплечник «из упраздненного Усть-Шехонского монастыря в 18-ти верстах от г. Белозерска».³³ Ясно, что рисовали то, что в описях названо «шашкой железной» и «ломаными латами».

Но самая для нас интересная часть Описей — перечень монастырских книг. В Описи 1661 г. перечислены: «Апостол печатной

³³ Описание Бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с гг. Ермолаевым и Ивановым в 1809—1810 гг. // Труды первого археологического съезда в Москве 1869. М., 1871. Т. 1. С. 65. Бороздинское собрание рисунков хранится в ГПБ в Санкт-Петербурге.

в дестъ. Три Службника печатныя в полдестъ. Две Псалтыри печатныя в дестъ. Псалтырь печатная слѣдованіем в дестъ. Псалтырь печатная жъ в полдестъ. Часослов писмяной в дестъ. Два Охтая на осмъ гласовъ печатныя в дестъ. Двѣ Триоди, Посная да Цвѣтная, печатныя в дестъ. Двѣнадцать Минѣй Мисечных в год печатных в дестъ да двѣ Минѣе Общія печатныя жъ в дестъ. Устав печатной большой в дестъ. Евангелие олковое недѣльное печатное в дестъ. Два Пролога в год печатныя в дестъ. Книга Лѣствица печатная в дестъ. Книга Ефрема Сирина писмянная в дестъ. Книга Правила святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ печатная в дестъ, да Правила же Никонскія писмяныя в дестъ. Два Потребника печатныя в дестъ. Канонник печатной в четверть. Книга Стихараль пѣвчей в полдестъ. Два Ирѣмолоя писмянныя в четверть. Да осмъ Минѣй Мисечныхъ разныхъ мѣсяцовъ печатныя в дестъ. Да ветхихъ книгъ: четыре Евангелия писмянныя в полдестъ; Апостолъ писмянной в полдестъ; да два Апостола же писмянные в дестъ; Триодъ Цвѣтная писмянная в полдестъ; да половина Триоди Цвѣтныя же писмянныя в полдестъ; да Триодъ Посная, переплетена на двѣ книги (в Описи 1679 г. она названа «писмянной в полдестъ». — *Г. П.*); да двѣнадцать (в Описи 1679 г. «тринадцать». — *Г. П.*) Псалтырь писмяныхъ ветхихъ; да три Охтайка писмянныхъ, ветхи же, в полдестъ; да Минѣи: Общая писмянная в четверть, три Минѣи Мисечныхъ — Августъ, Сентябрь, Октябрь — писменные в дестъ, да шестнадцать Минѣй Мисечныхъ писмянныхъ в полдестъ, ветхи. Двѣ книги Евангелия Толковыя — Матфей да Иоанъ — писмяныя в дестъ. Да книга Марка евангелиста писмянная Толковая в полдестъ. Двѣ книги Василя Великого писмяныя в дестъ. Двѣ книги ветхи: одна — Бесѣды Евангельскія о Иоаннѣ Богослове писмянныя, а другая — Сборникъ (в Описи 1674 г. добавлено: «писмянные». — *Г. П.*) в дестъ. Книга два евангелиста — Ивана да Марка — толковая (в Описи 1674 г. добавлено: «писмяная». — *Г. П.*) в дестъ. Книга Потребникъ (в Описи 1674 г. добавлено: «писмяной». — *Г. П.*) в полдестъ, другой в четверть, писмяныя. Устав писмянной в дестъ. Часослов в полдестъ ветхъ, згорѣлъ (в Описяхъ 1674 и 1679 гг. онъ не упомянутъ. — *Г. П.*). Книга Богородичникъ в полдестъ на осмъ гласовъ. Три книги Ивана Лѣстичника в полдестъ. Книга Патерикъ Египетской в полдестъ. Бесѣды Евангельскія отъ Матфея в полдестъ. Двѣ книги Патерика же в полдестъ. Книга Диоптра в полдестъ. Двѣ книги Феодора Едесскаго в полдестъ. Книга Служба и Житіе Кирилла Белоозерскаго в полдестъ. Книга Служба и Житіе Розтовскихъ чудотворцовъ в полдестъ. Книга Правила святыхъ отецъ, да в нихъ же приписано Житіе Дмитрея Прилуцкаго, в полдестъ. Маргаритъ Ивана Златоустаго в полдестъ. Апокалепсисъ Ивана Богослова. Книга Пророчество. Книга Чепъ Златая. Книга Исака Сирина. Сборникъ в четверть. Книга Стословъ отъ Старчества. Книга душеспасительныхъ потребъ. Книга о составлении Псалтыри харатѣная. Книга Григорія Синаита. Книга Ивана Дамаскина о составлении шести дней,

в четверть. Житие Павла Обнорского. Минѣя Общая писмянная в полдесть. Книга Андрѣя Уродиваго в полдесть. Пролог, Сентябрь, четверть года, писмяной в десть. Да из тѣх же книг отдано для времени въ Троецкую же вотчину в селцо в Маексу въ церковь Козмы и Домѣяна: Пролог писмянной в десть, половина года с марта; да книга же отдана в ту жь церковь Полууставье, в полдесть; да книгу Трефолой в полдесть, писмянные».

Всего, по моим подсчетам, в монастырской книгохранительнице в 1661 г. числилось сто сорок книг, из них сорок четыре названы печатными, семьдесят — «писмянными», рукописными, и одна — «харатейной», пергаменной, а о двадцати пяти ничего не сказано, но кажется, это тоже рукописи, потому что печатные книги перечислены, главным образом, в начале, а о рукописях составитель Описи то и дело забывает сказать, что они «писмянные», следующие описи некоторые его пропуски восполняют.

В Описи 1674 г. к этому перечню добавлены: «Служебник печатной в четверть новой», а также «Двѣ книги Ирмосы наречены, в четверть. Да в новых книгах Ефрема Сирина со аввою Дорофеем печатная в десть. Да книга Ирмологий печатная в полдесть».

В Описи же 1679 г. сверх уже упомянутой выше тринадцатой Псалтыри — «другая книга Ефрема Сирина печатная в десть», «Книга Апостоль писмяной в полдесть», «Книга аввы Дорофея писмянная в полдесть. Книга Выписи, Службы святых, в полдесть. Книга Служба Златоуста Иоанна и каноны. Книга Житие Николы Чюдотворца писмянная, ветхи. Книга Ирмологий в полдесть. Книга Часослов печатной в четверть. Книга Часослов в десть в тетратехъ старых». Но при этом опущены «двѣ Минѣи Общия печатныя жь в десть». Так что за восемнадцать лет монастырская библиотека пополнилась тринадцатью единицами хранения.

Книги хранились кроме того, конечно, и в алтарях церквей. В Троицком пятиглавом соборе на алтаре было «Евангелие на престолное в десть Апракосъ писмяное, обложена верхняя цка серебром вся басмянным, в середине образ Спасовъ чеканной и евангелисты чеканныя серебряныя позолочены, и около образа Спасова и евангелистов киотцы серебряны позолочены резныя прикрѣплены гвоздями серебряными, застежки серебряныя жь, оболочено камкою. Другое Евангелие печатное в десть, верхняя цка обложена серебромъ резнымъ, на средине Спасовъ образъ и евангелисты серебряныя же позолочены, застежки серебряныя жь литыя, оболочено бархатом серебряным, снизу пять плащей серебряных, проклатки ткани шелковой з золотомъ». В алтаре теплой Благовещенской церкви на престоле лежало «Евангелие писмянное ветхое, евангелисты мѣдныя», и подобное же Евангелие находилось в той же церкви на престоле в приделе св. Димитрия Солунского. А в деревянной шатровой надвратной церкви во имя Алексея человека Божия «во олtare на святѣмъ престоле» лежало «Евангелие на престолное писмяно, оболочено бархатомъ зеленым, евангелисты литыя мѣдныя». К 1674 г. в Троицком соборе

«в олтаре на прѣстоле» появилось «Евангелие печатное в десть, оболочено пестредью». Мы скоро познакомимся с судьбой двух из этих на престольных Евангелий в XVIII в.

Опись 1661 г. заканчивается известием о данных сыном боярским обитателям монастыря прощальных указаниях: «А переписавъ, тот Троецкой монастырь со всякимъ строением, и братью, и слуги, и крестьян, и бобылей приказалъ ведать игумену Иванну, и межъ ими розправу чинить, и от сторон оберегать, и монастырю искати прибыли. А братие и слугамъ, и крестьяномъ, и бобылемъ приказалъ чтобы ево, игумена Иванна, во всемъ слушали и почитали, как и в прочих монастырех властей почитаютъ. А Описныя книги писал казенной дьячек Евтихейко Борисов». По нижнему полю всех листов документа сделана скрепляющая запись тремя руками, извещающая и свидетельствующая о том, что игумен Иван, «черной поп Логин» и «черной поп Варлам» «к сим переписным книгам Троецкого монастыря» руку приложили.

4) Выпись из белозерских писцовых книг 1674 г.

Итак, к 1661 г. Троицкий Устьшехонский монастырь оказался, судя по всему, в материально тяжелом и административно зависимом положении. Но какую-то автономию он все-таки сохранил. Так, в «Выписке из Белозерских писцовых книг письма и меры стольника Никиты Ксенофонтовича Тороканова и подьячего Игнатъя Пигина» 1674 г. он фигурирует еще, похоже, как самостоятельный. В «Выписке» говорится о лове рыбы на Белом озере и «Троецкий монастырь, что на Усть-Шексны рѣки» упоминается как равноправный среди таких монастырей, как Кириллов, Ферапонтов, Новоезерский, Борисоглебский, «что в Ростове», и Покровский девичий, «что в Суздальѣ». Рыбу ловили осенью «да по замороз», затем «с первые же поледные ставки зимою» и «с весны жѣ июля по 20 число». Троицкая обитель, «по государевым жаловальным грамотам», имела право на безбродную ловлю осенью и весной «двѣма лодками», а зимой одним «неводом, а после тагасом».³⁴

1685 г. датирована рукопись, по которой мы воспроизвели Повесть, и рядом с датой, как мы помним, там помечено, что список сделан «в Саввин Сторожевский монастырь». Значит, оттуда этот список был заказан: в главенствующем монастыре захотели знать уже не только об имуществе, но также и об истории приписного, зависимого монастыря.

5) Отписка белозерского воеводы 1687 г.

Саввин Сторожевский монастырь выступил в 1687 г. как защитник приписанного к нему Троицкого Устьшехонского. Сохрани-

³⁴ Акты юридические. . . . № 231. С. 257—259.

лась отписка белозерского воеводы, из которой мы об этом знаем. Она была направлена в Москву «великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Иоанну Алексѣевичу, Петру Алексѣвичу и великой государыне благовѣрной царевне и великой княжне Софие Алексѣевне, всея Великия и Малыя и Бѣлыя Росии самодержцемъ», «холопом их Ваской Корачаровым». 11 октября Василий Иванович Корачаров получил из государственного Посольского приказа грамоту, написанную по челобитью архимандрита, келаря и казначея «Рождества Пречистыя Богородицы и великого чюдотворца Савы Сторожевскаго монастыря». К отписке воеводу сверху приклеен отрывок какого-то жалобного прошения — может быть, от руководства Саввина Сторожевскаго монастыря, может быть, из Устьшехонского — о возвращении «монастырским нашимъ крестьяном < . . > сена с монастырской нашей земли < . . > чтобы скотинишке от безкормицы голодною смертию не помереть».

Грамотой государей повелевалось «землями, и санными покосы, и рыбными ловлями, и лесными угоды, которые отмежевалъ приписного к Савину монастырю Троицкаго Устьшехонскаго монастыря от монастырской вотчины < . . > белозерской писецъ Есипъ Башмаковъ да подъячей Михайло Гаврилов Кирилова монастыря крестьяном, < . . > владеть по-прежнему Троицкаго Устьшехонскаго монастыря крестьяномъ. А которое сено на монастырских их селных покосехъ покосили и поставили Кирилова монастыря крестьяне, велено описать и для того з Белоозера послать подъячего».

Троицкий Устьшехонский назван здесь, как видим, приписным Саввина монастыря. Из отписки ясно, что Кирилло-Белозерский монастырь при пособничестве белозерских чиновников посягнул на вотчинные владения Устьшехонскаго монастыря, и его крестьяне сменили там устьшехонских. Из ущемляемого приписного монастыря обратились, видимо, в место приписки, а оттуда написали в Москву государям.

Василий Корачаров докладывал государям: «И по той вашей, великих государей царей, спорная (!) грамоте, в Белозерской уѣздъ в Надпорожской станъ в Лозскую волость посылаю я, холопъ вашъ, площадного подъячего Фомку Дементьева с наказною памятью. А велѣл я, холопъ вашъ, теми вышеописанными землями, и санными покосы, и рыбными ловлями, и лесными угоды до вашего, великих государей, указу владѣть по-прежнему Троицкаго Устьшехонскаго монастыря крестьяномъ. А которое сено на монастырских их селных покосах покосили и поставили Кирилова монастыря крестьяне, и то сено велелъ я, холопъ вашъ, описать и учинить тому записку за руками понятыхъ людей». Далее следует перечень понятых, которых привлек площадной подъячий Фомка Дементьев: Филиппов сын Янин, Афонасьев сын Позняков, Мишка Гаврилов, Дмитриев сын Янин, Антонов сын Лотошин, Ивашка Семенов и Федоров сын Янин.³⁵

³⁵ ЛОИИ, колл. Н. К. Никольскаго, ф. 260, оп. 1, № 520.

«До вашего, великих государей, указу» справедливость была, значит, восстановлена. Кажется, в окончательное ее торжество Василий Корачаров не очень верил. Во всяком случае, Саввин Сторожевский монастырь, сам поглощавший Троицкий Устьшехонский, не дал этого делать Кирилло-Белозерскому.

7. ПРОЦЕСС УНИЧТОЖЕНИЯ

1) Записи XVIII столетия

С наступлением XVIII в. Устьшехонский монастырь вступил в предсмертную фазу своего существования. Об этом свидетельствуют сделанные в этом столетии дополнения к Повести в бывшем Кирилло-Новоозерском, а ныне Новгородском ее списке, оставленные нами на время. Теперь пора к ним вернуться.

«В лето 7209 (1701) году приписали сей монастырь к Савину монастырю, Звенигородскаго».

Мы знаем, что монастырь уже давно был к звенигородскому Савину Сторожевскому монастырю приписан. Запись показывает, я думаю, что в 1701 г. Устьшехонская обитель стала в еще большей мере зависимой от очень далекого от нее подмосковного монастыря.

Результат этого оказался схожим с итогом деятельности строителя Иосифа, если не худшим: «И от него (от Саввина Звенигородского монастыря. — Г. П.) бысть великое разорение монастырю и вотчине». Защитник от покушений Кириллова монастыря откровенно обратился теперь сам в разорителя.

2) «Благословенная иеромонашеская грамота»

1703 г.

Но монастырь внешне еще держался. 29 января 1703 г. «Божиею милостию Гаврииль преосвященный архиепископ Вологодский и Бѣлозерский» получил из «Бѣлоозерского уѣзду Троицкого Устьшехонского монастыря» от строителя монаха Ионы «з братьею» челобитную (далее я цитирую грамоту архиепископа), «а в челобитной же написано: пострижен де у них в Троицком монастырѣ Бѣлоозерского уѣзду села Крохина вдовой священникъ Михаил, а нынѣ в монашествѣ Моисей, и живет у них в братствѣ. И в том ихъ монастыри черного иеромонаха нѣт. И чтоб нам, преосвященному архиепископу, ево, строителя монаха Иону с братьею, пожаловать — благословить и велѣть ему, монаху Моисею, на обѣщании своем, в том их Троицком монастырѣ, иеромонашеская дѣйствовать, и о том дати б ему наша архиепископия благословенная иеромонашеская грамота. И азъ, Гаврииль, преосвященный архиепископъ Вологодский и Бѣлозерский, выслушав их, строителя Ионы з братьею, челобитья, пожаловал, благословил, и велел ему, монаху Моисею, на обещании

своемъ, в том их Троицкомъ монастырѣ, иеромонашеская действовати. . .»³⁶

Не было, значит, в то время в монастыре ни одного монаха-священника. И игумена не было: управлял монастырем строитель. Но правом обратиться к своему архиепископу, минуя руководство Саввина Сторожевского монастыря, он обладал.

(А священник Михаил овдовел — заметили?, — служба в селе Крохине — наверное, в том самом, которое в XV в. было деревней Крохинской, принадлежавшей сначала сыну боярскому Гавриле Лаптеву, унаследованной затем в качестве выморочной князем Андреем Дмитриевичем, переданной им Устьшехонскому монастырю «по матери своей по княгине Огрофене» и вскоре после этого, когда монастырь оскудел, опустевшей.)

3) «Настольная грамота» 1709 г.

В 1705 г., по П. Строеву, в Устьшехонском монастыре ненадолго появился игумен Марк. Со следующего года по 1709 г. игумена там опять не было. В ноябре же 1709 г. архиепископ Вологодский и Белозерский Иосиф издал любопытную грамоту о благословении в игумены иеромонаха Кириллова монастыря Александра.³⁷ Любопытна эта грамота потому, что место для названия монастыря, куда архиепископ благословил в игумены иеромонаха Александра, было оставлено чистым; и число, когда грамота выдана, не было поставлено. В канцелярии архиепископа написали: «Дана бысть сему игумену сия наша настольная грамота в городѣ Вологдѣ въ велицѣй церкви Софии, Премудрости Слова Божия, и в нашемъ архиепископлѣ дому лѣта 709-го ноемвриа въ день». Значит, архиепископ благословил Александра «во игумены» вообще, не имея в виду какого-то определенного монастыря, рассчитывая, вероятно, что иеромонах Александр в течение ноября месяца сам найдет обитель, где ему быть игуменом, и тогда впишет в грамоту ее название и соответствующее число. Можно себе представить, что иеромонах с настольной грамотой обходил монастыри, где не было игуменов, и выяснял, устраивают ли они его и он их, и, когда то и другое совпало, вписал в грамоту (под рукой у него оказались более бледные, чем в архиепископской канцелярии, чернила) название монастыря: «живоначальный Троицы, что на Усть Шексны». Число поставить он при этом забыл.

Любопытна эта грамота и как литературное произведение XVIII в., следующее древнерусским традициям архиастырских наставлений благословляемым.³⁸

³⁶ Там же, № 723.

³⁷ Там же, № 810.

³⁸ Ср. традиционное поучение архиерея рукополагаемому во священники: Прохоров Г. М. Из литературного наследия митрополита Киприана // Славянские литературы: X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 78—79.

«Божиею милостию Иосиф, пресвященный архиепископъ Вологодский и Бѣлозерский, по благодати, дару и власти пресвятаго животворящаго и вся освящающаго Духа, даннѣй намъ от великаго архiereа Господа нашего Иисуса Христа, благословилъ Белозерскаго уѣзду Кириллова монастыря иеромонаха Александра на церковную священную духовную власть в пречестную обитель живоначальныхъ Троицы, что на Усть Шексны, во игумены.

И сему убо игумену Александру подобаеъ аки пастырю быти боголюбиву и челоуѣколюбиву, и церковному исполнению без лѣности прилѣжати, не сварливу, не мшелоимцу, смотреливу, не завистливу, не сребролюбцу и добру, предстательствующу, и опасно стражу имѣти, и разумѣти, и радѣти о сущихъ под нимъ, и мысленныя волки отгоняти от нихъ пращею божественныхъ словесъ и пророческихъ и апостолскихъ и отеческихъ преданий. Подобаетъ убо ему быти свѣтъ сущимъ невѣденыя (?), по глаголющему словеси, еже Христосъ ко святымъ своимъ ученикомъ и апостоломъ рече: „Вы есте свѣтъ миру, и тако да просвѣтитсѣ свѣтъ вашъ предъ челоуѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, иже есть на небесѣхъ“ (ср. *Евангеліе отъ Матфея*, 5, 14—16). Просвѣщати же и учити свѣтомъ, еже есть собою образъ показати во всемъ в духовныхъ и внѣшнихъ, учити же и наказати, обращаѣти же и врачевати, и отпатшии уды телеси его прилагати милостивнѣ къ язвѣ (!). Егда же потреба будетъ и быліе растворити, еже есть учение, и цѣлители язвы душевные покаяниемъ. И сихъ ради таковой пастырь сподобитсѣ слышати отъ благаго Владыки нашего Спаса Христа божественный и сладкій гласъ, глаголющъ: „Благій рабе вѣрный, в малѣ бысть вѣренъ, над многими тя поставлю; вниди в радость Господа своего“ (*Евангеліе отъ Матфея*, 25, 23). Достоитъ же ему с нами совѣтъ имѣти во всемъ в недоумѣваемыхъ духовныхъ во всѣхъ, послушание и покорение, яко и первосвятителю и пастырю и учителю и отцу отцевъ. Вы же, о Христѣ наша чада, священноиноци, и диаконы, и иноцы, и всѣ православнии христиане, живущи в той обители, примите радостно отца своего и учителя о Господѣ игумена Александра, повинуйтсѣ ему от всея души, яко самому Христу, рекшу ко апостоломъ: „Слушайъ васъ мене слушаеъ, а отметаеъ же ся — мене и пославшаго мя“ (*Евангеліе отъ Луки*, 10, 16). Вы же не будите отметницы, но послушницы Христови, от него же обрящете милость в день судный.

Достоитъ же игумену Александру проповѣдати слово Господне всѣмъ православнымъ христианомъ, врученнымъ ему, дабы православнии христиане жили по заповѣдемъ Божиимъ. Къ сему же и от мирскаго житія приходящихъ мужескаго роду постричься в монашескій чинъ не якоже прилучисѣ вборзѣ постригати, якоже нѣдци творятъ и постригаютъ безъ испытанія и не по преданию святыхъ отецъ, борзѣя своихъ ради самоволныхъ страстей, но приходящихъ къ нему мужескаго роду в монашескій чинъ по преданию святыхъ отецъ, аще благоговѣйни и свободни явѣтсѣ, постригати — свое приемники, и тѣмъ новопостриженнымъ мона-

хоть давать новопостригалныя памяти за казенною печатью и за своею рукою. А женского роду, девъ и вдовъ, наипаче же от мужей женъ, в монастырѣ и внѣ монастыря и в мирскихъ домехъ отнюдь нигдѣ не постригати» (далее уже приведенная нами выше концовка с датой без числа: «Дана бысть сему игумену сия наша настольная грамота. . .»).

В устьшехонских игуменах Александр пробыл недолго, по 1711 г., и никем не был замещен. Периоды отсутствия игуменов и в дальнейшем чередовались в монастыре с периодами недолгого их присутствия (см. у П. Строева с. 85—87). За десять без малого лет, протекших после появления у «живоначалныя Троицы, что на Усть Шексны» с благословенной грамотой кирилло-белозерского иеромонаха Александра до очередного пожара монастыря, там побывало три игумена (каждый не более двух лет).

4) Пожар, возрождение, разорение

Что не разграбили пришельцы-начальники, то уничтожил этот пожар: 18 июня 1719 г. «погорел монастырь весь до основания» (это очередная приписка к Повести в Новгородском списке). Три года потом в монастыре опять не было игумена.

Но у монастыря и на этот раз хватило сил для возрождения: «И тщианем братии того монастыря и вкладчиков построено все сполна».

Похоже, монастырь на какой-то миг опять обретал независимость — как груды головешек после пожара: и потому-то и возродился, что глотнул свободы. Но когда возродился сполна и стал что-то собою в материальном выражении представлять, его тут же вновь независимости лишили, отдав под начало прежним разорителям, и, конечно же, вновь — и опять основательно, если не окончательно — разорили: «В лето 1721 году приписали к тому же Савину монастырю. И от них вконец разорение прииде».

На этот раз разорили не только добро. Самих насельников монастыря, его возрождавших, увели «в плен» или разогнали: «Братию монахов к себе в (Саввин Звенигородский. — Г. П.) монастырь взяли, а иных вон из монастыря выслали».

Оставалось только забрать оставшиеся на месте пожитки устьшехонских монахов. Сделали и это: «И прислали слугу своего на властелинство монастырю и вотчинным крестьяном, и он слуга всё в монастыре обрал и увез».

Хроника-повесть окончена, мы ее дочитали. Начатая как рассказ о создании монастыря, она доведена до его разрушения.

По П. Строеву (с. 85), это произошло в 1725 г., после чего 3 февраля 1727 г. монастырь вновь на время открыли, а в 1764 г., при Екатерине II, окончательно — разом со множеством других — упразднили. Монастырский храм сделался тогда приходской церковью посада Крохина.³⁹ (Деревня Крохинская, потом село Крохино, к этому времени стала, значит, посадом Крохиным).

³⁹ Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. Т. 9 (V). С. 220.

5) Распродажа

Имущество монастыря на этот раз было распродано. За делом следил Синод, посылая запросы и указания епархиальному архиерею. Ведавший распродажей движимости «духовных вотчин экономический казначей поручик Левашов» в ответ на запрос вологодского архиепископа Иосифа рапортом от 10 мая 1768 г. доложил «о продаже казенного имущества (то есть столов, шкафов, деревянной всякой посуды и конюшенных приборов)» и обещал, что «за те де проданные имущества деньги по продаже протчих внесены будут в Вологодскую провинциальную канцелярию с запискою в Экономическое ведомство; а о продаже строения в том присланном рапорте не изъяснил». ⁴⁰ Потому, по указу Синода, была составлена ведомость, где точно указывалось, «какое имянно въ упраздненныхъ монастыряхъ церковное и протчее всякое строение и церковная утварь имелись и что куда отобрано». ⁴¹

В созданном тогда же «Реэстрѣ Вологодской епархии, в коихъ упраздненныхъ монастыряхъ и пустыняхъ церковное и протчее строение и церковная утварь описана», был учтен и Троицкий Устьшехонский монастырь и отмечено, что в нем «по описямъ значится < . . > церковнаго строения: 1 церковь каменная с трапезою и папертью, при ней пределъ. Церковь деревянная с трапезою и папертью, при ней пределъ. Колокольня, на ней 6 колоколовъ. Протчего монастырскаго строения: Внутрь монастыря: Настоятельскихъ келей 3, в нихъ чулан. Братскихъ келей 6. Два погреба. Два анбара. Вокругъ того монастыря ограда деревянная. Внѣ монастыря: Конюшенной двор, при немъ изба. Поварня. Кузница. Два овина». По сравнению с 1661 г. число братскихъ келей и хозяйственныхъ построекъ в монастыре, как видим, стало меньше.

Среди церковной утвари в «холодной церкви в олтарѣ» описью отмечено «Евангелие, на коемъ средникъ и евангелистъ серебряные», и «При вновь построенной каменной церкви в приделѣ Димитрия Селунскаго» — «2 Евангелия, на коихъ средники и евангелисты серебряныя». Пересчитаны также остатки библиотеки: «Разныхъ печатныхъ книгъ 49, нотныхъ трои». ⁴² Рукописи не упомянуты; их там, наверное, уже не было.

16 февраля 1788 г. Синод приказал серебряную церковную утварь упраздненныхъ монастырей Новгородской, Тверской, Псковской и Вологодской епархий использовать для снабжения походныхъ воинскихъ церквей. В направленном «В Святѣйшій правительствующій Синодъ от Ириней епископа Вологодскаго Рапорте, по присланному Указу со исполнениемъ», в числе вещей, переданныхъ для воинскихъ походныхъ церквей, упомянуты (даже описаны) «Два напрестольныя Евангелия на полуалександрийской бумагѣ:

⁴⁰ Описание рукописей, хранящихся в Архиве святейшаго правительствующаго Синода. СПб., 1910. Т. 2, вып. 2. № 2452. С. 219.

⁴¹ Там же. С. 7.

⁴² ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 2452, л. 77—79, об.

1. Покрыто бархатомъ зеленымъ, на немъ средникъ и евангелисты и застешки серебряныя. 2. Обложено плисомъ пестрымъ, на верхней дскѣ средникъ и евангелисты, а на нижней средникъ же и наугольники и застешки серебряныя». ⁴³ Так что, по всей вероятности, два именно устьшехонских Евангелия в 1788 г. сделались походно-армейскими. Третье должно было остаться на престоле церкви, обращенной в приходскую.

Недвижимость же ликвидированной обители, которую не удалось продать и приспособить к какому-нибудь делу, наверное, потихоньку разрушалась и разбиралась, пока не была затоплена. Так что к потоцу XX в. история подводила монастырь издавна, постепенно.

На четвертое место монастырю, стало быть, так и не было суждено переехать. Если, конечно, не считать его «четвертым местом» речное дно.

8. РАССКАЗЫ О БЕЛОЗЕРСКЕ

К Повести об Устьшехонском монастыре естественным образом близки рассказы о городе Белозерске. Это легенда о том, почему церковь в Белозерске нарекли во имя Василия Великого, и история перенесеній города Белозерска. Их мы тоже извлекаем из рукописей XVII—XVIII вв.

Рассказ о белозерской церкви св. Василия Великого сохранился в двух версиях — краткой и пространной. Краткая известна в нескольких списках: ГПБ, Софійское собр., № 1521/343, Сборник, XVII в., л. 189; ГПБ, собр. Погодина, № 1553, Сборник, конец XVII—начало XVIII в., л. 161—163; ГИМ, собр. Уварова, № 840, Сборник, конец XVII—начало XVIII в., л. 72, об.; ГБЛ, ОИДР, № 225, Сборник, XVIII в., л. 388. Привожу ее текст по рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1553:

«О церкви Великаго Василия и о вѣре»

А на Белѣозере жили люди новокрещени, да как учили креститься и вѣру христіанскую спознавати, и они поставили церковь, а не вѣдаша, во имя котораго святаго. И на утро собрались, да пошли церковь свѣщати и нареци котораго святаго. И какъ пришли к церккви, а же в рѣчьке под церковию стоит челнок, а в челну стулець, а на стулце икона Василие Великий, а пред иконою просфира. И они икону взяли, а церковь нарекли во имя Великаго Василия.

И нѣкто невѣжа взял просвиру ту да хотѣлъ укусити ея, ино его от просвиры тоя шибло, а прозвира окаменела. И они церковь свѣщали да учили обедню гѣти. Да какъ начали Еуаггелие чести,

⁴³ Там же, л. 101—105.

ино грянуло не по обычаю — как бы страшной великой громъ грянул. И вси людие уполосались, чаяли, что церковь пала. И они скочили, да учили смотреть народи. Ино в прежние лѣта ту бывало мольбище: за олтаремъ береза да камень. И ту березу вырвало ис корени, да камень взяло из земли да несло в Шексну и потопило.

И на Белѣозере то первая церковь Василие Великий от такова времени, как вѣра стала».

Распространенное повествование о том же, а сверх того еще четыре рассказа на белозерские темы читаем в списке 1779 г. на л. 37—41, об. Сборной рукописи ГПБ, собр. А. А. Титова, № 1296, которой мы уже пользовались, подводя различия к части Повести об Устьшехонском монастыре (мы ее условно обозначали — В).

(О Белозерской церкви Василия Великого) ⁴⁴

«. . . свое стадо и соверши молитву, возревше мало от церкви на десной стране, и узреша в речкѣ близ церкви челнокъ мал стоящъ, токмо *exal*(?) Богъ весть откуда прииде, человѣка же никакого, ездящаго в нем видѣ, а в челноку, среди ево, стояще столець мал точеной, на столце — образ Великаго Василия Кесарии Каппадокийския, пред образом — просвира тепла и мягка, по древнему закону сотворена крестообразно, в носу челнока два веселца, на корме весел'цо.

Людие же, видевше, возрадовашася радостию великою зело; взявше святой его образъ, великаго святителя, и просвиру съ великою честью, и внѣсоша в' церьков со псалмы и песньми духов'ными; и, с'ветивше храм той, нарекоша во имя Великаго Василиа.

Челнокъ и весел'ца, в нем же прииде святой образъ, положиша со тщаниемъ в' паперти у цер'кви Великаго Василиа. А речку, в нейже узреша святой образ, прорекоша Василевка, и доднес зовома тем званиемъ.

И во время божествен'ных литургий, чтому с'вященному Евангелию, и в' то время грянуло необычно, аки великий страшный громъ. Людие же страхом одержими быша велиим, стояще в цер'кви той. Прославляя своего угодника, Господь нашъ Иисусъ Христось, уверяя и совокупляя воедино искупленное свое стадо, и приводить во единомыслие сердца человѣку.

Не бываетъ причастна тма ко свету, неприлично черное к белому, не любить церковь Божия идолы, неприятень бесъ к чину освященному, не возможет сено прикоснуться огню, — такожде и церковь Великаго Василиа стояти не хочеть на единѣ мѣсте со идолы кумир'ными — з березою и камениемъ. Не восхоте Великий Василий кумира идолского приношению безпамятну быти: бысть Божию силою и молитвою святаго отца нашего Василиа

⁴⁴ Начало утрачено.

Великаго бѣрезѣ исторжение изъ кореня, да и камень взятъ, и несены быша оттуду аки вержениемъ некимъ камень и с березою в Шексну реку, и потоплени быша. Понеже преждѣ пред бѣрезою на камени томъ жертва приносима была нечистымъ кумиромъ.
И о сихъ тако поведаша намъ древнии людие.

О просворе

Не подобаше бо и сего чудеси Великаго Василиа молчанию предати, еже бысть о просворе его.

Внесенней же ей бывъши в церковь, неки невежа, сый грубо-стию одержимъ, взем просвиру Великаго Василиа и восхоте ея вку-сити. И не попусти ему Богъ и угодникъ его Великий Василий, и в той часъ орази его невидимая Божия сила, просфора же та камень бысть.

И доднесь и оттолѣ Божиюю благодатию уставися православная христианская вѣра. А церковь сия Великаго Василиа первая бысть на Бѣлеозере, какъ и православная вера стала».

(В рукописи далее идут рассказы «О нашествии Батяя царя на Рускую землю» и «О князе Глебе», использованные нами при подведении разночтений к началу Повести об Устьшехонском монастыре; потому здесь мы их пропускаем.)

«О преселении града Белоозера от Усть-Шексны-реки в Карголомъ, идеже нынѣ стоитъ

В лѣто 6907-го (1399) года, при великомъ князе Василии Иоан'-новииче, по его государеву указу, гражданы белозерцы пересели-шася с Шексны-реки в Карголом-град, и церкви, и посады поста-виша. Тогда соборную церковь Великаго Василиа перенесли и поставиша на посадѣ. На томъ местѣ, где стоитъ крестъ древнянъ днесь. И стояла соборная цер'ковь Великаго Василиа на посаде до 120 (1612) года, июля по 30 число.

Придоша на градъ Белоозеро Пол'ша и украинскихъ городовъ люди не во мнозе силѣ и градъ весь пожгоша, а людей множес'тво посекоша, а инии пленени быша. И тогда соборная церковь зго-рела. И с того времени вновь поставиша церковь внутри среди града Белоозера. И та церковь деревянная от ветхости разруши-лась. И на томъ месте построена соборная цер'ковь камен'ная о пяти главахъ во имя Преображения Господа Бога и С'паса нашего Иисуса Христа.

А егда убо град Белоозеро стояло на Усть-Шексны-реки, тогда соборная церковь стояла идеже ныне Княжее, — зовомо нынѣ, — на томъ церковномъ местѣ стоитъ часовня, а в ней почиваетъ благовер-ный князь Глебъ Васильковичъ, дер'жавецъ града сего Бело-озера».

Из последних слов этого рассказа мы узнали имя — «Княжее» — места среди посада первоначального Белозерска, на Васильевском Крестце, где стояла до польско-украинского нападения соборная церковь Василия Великого, а во время написания рассказа «О преселении. . .» — лишь часовня и деревянный крест, где якобы был похоронен основатель монастыря благоверный князь Глеб Василькович и куда, согласно пророчеству инока Моисея, монастырь должен был быть перенесен в третий раз.

О том, что Глеб Василькович был похоронен в Белозерске, и о месте его погребения мы читаем также в уже цитированном нами ранее «Описании о граде Белеезере» XVIII столетия: «И пожилъ онъ князь, Глебъ Василковичъ, на Беле озере лета доволна, преставися, а тело его положено на Беле озере на бывшемъ посаде в соборной улице Великаго Василия, где ныне значить (!) над теломъ его каменная гробница, всемъ видима. Но за преселениемъ сего города Белозерска с того мѣста в Карголомъ, стоит тамо ныне построена изрядная часовня, на место пусто, состоящее, по имянному блаженныя и вечной славы достойныя памяти государя императора Петра Перваго, в казенномъ и вечномъ за здешнимъ городомъ оброке, — которое место и донныне называется Старой Город. . .»⁴⁵

А летопись, между прочим, сообщает, что князь Глеб Василькович был похоронен в Ростове: «Тое же зимы во Филипово говѣнье преставися Глѣбъ Василькович декабря въ 13, и положиша его в соборней церкви святыя Богородица в Ростовѣ».⁴⁶ Снять противоречие позволяет, мне кажется, запись там же под 1280 г. — что местный ростовский епископ Игнатий «изринул», выкинул тело князя «из церкви в полунощи и повелѣ его погresti у Спаса на Княгининѣ монастыри», а пришедший тогда из Киева «в Суздальскую землю» митрополит Кирилл, узнав об этом, отлучил епископа от службы, но потом простил его — когда за того похотатайствовал племянник покойного, князь Дмитрий Борисович, — а простив, сказал ему: «Брате, сыну възлюбленне, плачися о семь и кайся о том грѣсе и до своя смерти, осудил бо еси мертвеца преже суда Божия, а жива стыдися его, и дары емля от него, и яды и пѣя с ним. Да бы ти Богъ сего отдал!»⁴⁷ По-видимому, извлеченное из могилы тело князя не было положено обратно в ростовский собор, а было унесено в Белозерск.

Обратим напоследок внимание на совпадение выражений Повести о монастыре и рассказа «О преселении града Белаозера. . .»:

«В лета 7120 июля в 30 день приидоша на Белоозеро Полша и украинных градов люди не во мнозе силе, град весь пожгоша, а людей

«. . . до 120 года, июля по 30 число. Приидоша на град Белоозеро Полша и украинных городов люди не во мнозе силе и град весь пожгоша,

⁴⁵ БАН, 12.8.9, л. 5—5, об.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 152.

⁴⁷ Там же.

множество посекоша. Были же и а людей множество посекоша, а инии в сием монастыре у Троицы в Бопленени быша. И тогда соборная жиих церквах. . .» церковь згорела».

Ясно, что это не случайность: либо один писатель видел сочинение другого, либо рассказ о городе писал тот, кто продолжал Повесть о монастыре.

Этим белозерцам представилось вдруг важным сохранить в памяти читателей то немногое, что они слышали и знали о своем монастырьке и городке, едва не погибших в Смутное время.

Да и нам сейчас, представляется, немаловажно знать об этих погубленных и недопогубленных клеточках живого тела России. И о том, что там, случилось, писали.